

Еврейская нота

Автор:

[Михаил Веллер](#)

Еврейская нота

Михаил Иосифович Веллер

Книги Михаила Веллера

Новая книга Михаила Веллера – откровение на вечную и острую еврейскую тему. «Еврейская нота» содержит как биографические наблюдения и философский анализ, так и ироническую беллетристику. В книгу автора включен также ряд ранее опубликованных знаменитых произведений.

Михаил Веллер

Еврейская нота

© М. Веллер, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Соло невидимой струны

1. Открытие

Во втором классе я узнал, что я еврей. Это было сильное впечатление.

Совершенно понятно, что в военных гарнизонах, да в первое послевоенное десятилетие, все были русские. Особенно дети. Были – они: враги, немцы, фашисты. И были – мы: русские. Советские, разумеется. Но русские. Тем более офицерские дети. Дети победителей.

Мы играли в войну. (Пошлого унижительного слова «войнушка» у нас просто не было.) И русские побеждали немцев.

Мы рисовали войну. Много красивых зеленых танков с красными звездами. И один черный, уродливый, со свастикой: горит. Или много красивых голубых самолетов. С красными звездами. А один – черный, кривой, уродливый, со свастикой: горит.

Наши отцы ходили в форме, с погонами и наградными планками. Главными праздниками были 7 Ноября, 1 Мая и 23 Февраля – не считая Нового Года, конечно. Паек был у всех одинаковый, и зарплаты в общем одинаковые, и жилье примерно одинаковое. И одинаковая казенная («кэчевская»: КЭЧ – коммунально-эксплуатационная часть) мебель из досок и фанеры.

Так что про национальность мы понимали правильно. Никаких церквей, молитв, крестиков и прочего опиума для народов прошлого никто и представить себе не мог. А фамилии Фомин, Хомула, Кукуй, Дризгалович или Лапида никаких мыслей не вызывали: фамилия – она и есть фамилия.

А потом мы пошли в школу, научились читать и писать, и мир начал усложняться.

И вот Первое сентября, и грамотные мы идем во второй класс. И учительница, задав нам что-то читать и решать, переписывает всех учеников в классный журнал. А нас человек сорок пять – время было такое. Не дописала всех она до звонка. И вышла на перемену. А журнал остался на столе.

И грамотные мы кучей побежали читать, что она там понаписала про нас. Фамилия, имя, год рождения, адрес, телефон (их почти ни у кого не было, конечно). И национальность.

Графа национальность была заполнена очень однообразно. Или единообразно, как хотите. Разница только в окончании мужского или женского рода: русский – русская. И только против моей фамилии стояла какая-то фигня...

Очкастый, но здоровый Валера Маркин поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

– Все – русские. Один Миша... – он запнулся и сделал паузу, подбирая тактичное слово: – нерусский.

То есть он хотел показать, что нормально ко мне относится и обижать не хочет: зачем же так сразу, при всех, ни с того ни с сего говорить в лицо человеку: «Еврей».

Я все осознавал написанное слово «еврей», и мне было не по себе. Голова кружилась и звуки отдалились.

Что-то в слове «еврей» было ужасное. Хотелось и казалось, что, может быть, это неправда. И уже было понятно, что раз в классном журнале, то написана правда.

– Что за ерунда! – с усиленной искренностью закричал я. – Откуда она это взяла?! Вранье, вы что. Ошибка!

Что-то во всем этом было от нехорошей открывшейся тайны. Что-то позорное. Что лучше скрывать. Просто катастрофа на меня обрушилась ни с того ни с сего. И катастрофа укреплялась в сокрушенном сознании как непоправимая. Суки, вы мне что написали, вы что со мной сделали?..

Мой лучший друг и сосед по парте Серега Фомин сильно взволновался. Мы дружили с детского сада, все друг другу рассказывали, играли и ходили вместе, и ему совершенно не хотелось, чтобы друг оказался вдруг нерусский. Это было бы как-то неправильно и плохо.

– Ты у родителей спроси? – сказал и потом напомнил он. – Может, так и есть? Ты узнай!

– Да вранье это все, – как можно тверже и спокойней уверил я.

– Да я тоже думаю, что просто ошиблась она! – поддерживал Серега. – Не может быть.

До конца уроков я сидел оглушенный. Меня никто не дразнил, никто ничего не напоминал, все было нормально. Но ощущалась в этой нормальности какая-то нарочитость, скрывающаяся напряженность в том, как на меня смотрели, как разговаривали. Вроде не хотели что-то задевать.

С сознанием отдельным от меня, я вернулся домой, постучал в квартиру, открыл своим ключом дверь в нашу комнату, разделся и стал думать. Положение мое было загадочным и ужасным и требовало разрешения. О национальностях в нашей семье никогда не говорили. Вообще. (По крайней мере я не слышал.) В памяти обнаружилось какие-то непонятные слова, которые говорила иногда маме бабушка, когда мы были в отпуске в Каменец-Подольске. Я запомнил слово «готыне», но смысла его не знал.

Очевидно, тогда впервые во мне проявилась логичность и последовательность аналитического мышления. В очень простом виде и верном направлении. От сильного эмоционального импульса. Стресс как запуск процесса познания.

Я подумал, что если я и правда еврей – то должен от русских чем-то отличаться. Иначе как Валентина Кузьминична могла узнать, что я еврей?

Никаких бытовых отличий не могло мыслиться: мы все жили совершенно одинаково, как я упомянул. Одежда, разговор, привычки – мы все были абсолютно же «единообразны».

Следовательно, должно быть какое-то отличие во мне самом – физическое отличие. Я встал перед зеркалом и принялся себя исследовать, начиная с пальцев ног. Методично и с волнением добрался вверх до макушки и никаких отличий не обнаружил. А тем более когда одет. Половина мальчиков носила серую школьную форму: гимнастерку под широкий черный ремень и такие же брюки: я тоже. Другая половина – вельветовые куртки, коричневые или черные. И все подшивали белые воротнички.

Тогда я установил зеркало на столе, сел перед ним и начал детальнее изучать то, что торчало над воротничком.

Всех нас заставляли стричься под ноль. Форма моей головы мне никогда не нравилась. Какая-то она была некруглая. Слегка вытянутая, затылок слегка квадратный, а макушка на треугольник. Не то что у Витьки Мясникова – ровный красивый шар. Но в принципе голова терпимая. Вон у Кибали вообще тянута назад, как стамеска. А у Обуха бугристая, как посадка картошки.

На лице был нос, рот, подбородок и глаза. С бровями и ресницами. Сверху лоб, по бокам уши. Всё как у всех. Никаких отличий.

Я не имел национальных примет ни одной национальности. Мама моя была золотоволосой сероглазой красавицей с точеным профилем. Папа чрезвычайно походил на молодого Василия Сталина.

С сердцем, замирающим перед тайным открытием, я искал разгадку. Должен же быть какой-то ответ!

И в результате все-таки обнаружил. Зрачки у меня были почти во весь этот цветной кружочек посередине глаза. А когда я старательно припомнил, у всех в классе были зрачки довольно узкие, под яркими лампами, а хоть и днем под солнцем это было отлично видно.

Отличие было! Значит, у евреев большие зрачки.

Я понял, что я еврей, и сердце мое ухнуло в бездонную безнадежность.

...Пришли на обед родители. Первым делом я спросил, что такое еврей. Мама с папой переглянулись, и что-то открылось в этом переглядывании такое, что от меня скрывалось. И спросили, почему я спрашиваю. Я рассказал про журнал. Они опять переглянулись, и опять с каким-то смыслом. Слегка улыбнулись. И сказали, что евреи – это просто люди.

Стоп. А русские? А русские тоже просто люди. Люди бывают разные. Русские, евреи, украинцы, татары. Но они все одинаковые.

Что значит одинаковые?! А почему тогда разные?! Ну, потому что когда-то давно были разные народы. А теперь в Советском Союзе народ один – советский. Мы все – советские. И все теперь одинаковые.

Стоп. Так мы – не русские? – Мы евреи. Но это совершенно не важно. Не имеет никакого значения. Все совершенно одинаковые.

А чем мы отличаемся? – Ничем не отличаемся.

А почему тогда мы не русские? – Просто потому, что есть разные названия.

Возникший ниоткуда и тайный кошмар состоялся как правда и сделался бесповоротен. Явилась некая необъяснимая и неотменимая невидимая черта, отделившая меня от всех остальных.

Я принял эту неразрешимую загадку как данность своей жизни. Загадка не имела ответа, и однако этот отсутствующий ответ был плохим, стыдным, позорным, и его следовало скрывать.

Утром мы встретились с Серегой внизу – мы жили в одном ДОСе, десятом, – чтобы идти в школу.

– Ну, ты у родителей спросил? – первым делом закричал он. Он еще вчера днем спрашивал, когда мы гуляли, но тогда я сказал, что не успел спросить, когда они на обед приходили.

– Спросил, – солидно и уверенно кивнул я, глядя в сторону.

– Ну, они что сказали?

– Русский, конечно.

– Ну я так и думал, – сказал Серега с облегчением. – Просто там она что-то в журнале напутала.

Больше мы к этой теме не возвращались.

2. Татарин

Как-то осенью Серега болел, я возвращался из школы один. По дороге, по пустой песчаной улице, встретил Муху, он неторопливо загребал навстречу во вторую смену. Муха – Мухин – учился на два класса старше и был знаменит в школе тем, что хорошо дрался. А вообще по жизни он был высокий, худой и спокойный, сам никого не задирал. Он был из гражданских, у нас разделение на них и военных имело значение.

Муха остановился передо мной, посмотрел сверху вниз и спросил мирно:

– Ты что, еврей?

– Да, – выговорил я.

– А я татарин, – вздохнул Муха. Улыбнулся невесело и покровительственно и дальше пошел.

3. Израильтянин

Леня Урбан был храбрый, наглый и заводной. Он вот так прямо предлагал девочкам вместе снимать трусы. Он писал на заборах неприличные слова и меня наставлял. Он был на год старше и руководил.

Наши родители на отпуск приехали в санаторий Дарасун, а нас пристроили рядом в поселке. Дом почти пустовал, и хозяйка сдавала летом комнаты.

Среди прочих дел Леня заинтересовался моей фамилией. Я с умеренным возмущением отвечал, что конечно русский. Он велел спросить у родителей. Этот номер я уже проходил.

Назавтра я сказал, что спросил, а он спокойно сказал, что я вру. А когда я сказал, что не вру, он так же спокойно ответил, что, значит, мне соврали родители. Зачем им врать?! Они не хотят, чтобы ты знал. Он был старше, значительно крупнее и сильнее, и драться не представлялось возможным.

– Ты кто сам, Урбан?

- Я - русский.

- С чего взял? Чем докажешь?

- Я у родителей в паспорте смотрел. Там написано. Оба русские. И ты у своих посмотри. Ты смотрел?

- Где я здесь тебе возьму их паспорта?

- Ну домой когда приедете - тогда посмотри.

Через неделю, мы за дровами играли в ножички, Ленька сказал:

- Я знаю, кто ты. Я узнал.

- Чего ты узнал?.. - Я, конечно, напрягся. Сжался внутри. Собрал все силы для спокойствия и равнодушного отрицания. Как он мог узнать, где, от кого - я даже не задавался вопросом; да и некогда было думать.

- Ты - израильтянин! - весомо объявил Ленька.

Облегчение от того, что он не сказал еврей, и удивление от того, что при чем тут израильтянин, слились в праведную страсть:

- Че-воо?!

- Израильтянин, - убедительно повторил Ленька.

- Ты вообще, - сказал я.

Он назидательно покачал головой.

Слово «Израиль» я в принципе знал. В 1956 году агрессивная израильская военщина напала на мирный Египет. То есть ничего хорошего. Но я-то при чем?! Кто я и кто они?..

Это было какое-то политическое, географическое обвинение – косвенное и не такое опасное. Не знаю, как я стал догадываться, что в Израиле живут евреи, дома ничего подобного я не слышал. В воздухе обозначилось родство. То есть Ленька меня обвинял, но при этом щадил мое самолюбие. Слово «еврей» было неприличным, и в общем я его ничем не заслужил. Такой грязноватый удар Ленька немного смущался наносить. Но надо было дать мне понять, кто я такой.

Между нами ничего не изменилось, но наступило какое-то отдаление.

Драки

Дрался я редко, и все это были в классе середнячки, которые хотели самоутвердиться, а на бойцовых пацанов не замахивались. В четвертом классе Голобоков сказал, что «вообще ты еврей» и ждал, судя по лицу, что я его вызову после уроков драться. А что еще. Дело шло к лету, за школьным забором была танцплощадка в парке среди кустов, там всегда и дрались.

Голобоков был выше, но своими длинными руками он как-то по-деревенски размахивался аж из-за спины, и я ему навтыкал, но получалось не сильно, даже синяков не осталось.

Уже в восьмом классе, в другой школе другого города, я точно так же дрался с Мартыном – Мартыновым, крупноватым, но слабоватым середнячком. Он тоже озвучил, что еврей ему не нравится. И тоже выступил после уроков за туалетом как-то неуверенно. И тоже не то чтобы получил, но все решили, что победил точно я.

Раза три за школу мне вламывали, но это были обычные пацанские дела, не имевшие никакого отношения к национальному вопросу. И я пару раз камрадам разбивал носы – без обид.

Травля

Есть такой стереотип: евреев в детстве называют на всех углах жидами, бьют на улице и во дворе и портят жизнь разными способами. Не знаю. Лично не наблюдал, от знакомых конкретно не слышал, на себе не испытывал. Может

потому, что в Забайкалье и на Дальнем Востоке не было такой традиции.

Нет, в паре школ, где я учился, возникал еще поначалу какой-нибудь мелкий насмешник, развлекатель класса, который кричал «жид, жид», или «еврей, еврей» – один еще посылал как дразнилку «полужидок»: видимо, метисизацией он разрешил для себя мой нетипичный, по его мнению, облик. Их невозможно было треснуть: они смеялись и юрко убегали, прыгая через парты; но зла в них не чувствовалось – они развлекались. Можно даже сказать – невинно развлекались. Драться после уроков отказывались – опять же с мелким веселым смехом. Класс внимал развлечению снисходительно и в общем их не поддерживал. Через неделю-другую им надоедало, и они унимались. И я был своим: нормальным, как все.

И с этими ребятами потом отношения были совершенно нормальными. Более того, они вели себя скорее дружелюбно. Нет, не извинялись, разумеется, что за фигня, но словно чуть-чуть заглаживали прошлый инцидент.

Если ты никогда не плачешь, не ябедничаешь и не жалуешься, всегда даешь списать и даешь сдачи, никак не выпендриваешься, не жадничаешь и никогда не подхалимничаешь – то чего, собственно, тебя травить?

Правда, были две вещи. Во-первых, все знали, что до какого-то предела я тихий и очень вежливый – а дальше соскакиваю с винта и полный псих: разбить пеналом нос или зубы, ткнуть ручкой в глаз или куда ни попадя, орать как бешеный не разобрать что и не чувствовать никаких ударов. И на фига с таким связываться, если он сам не лезет.

Во-вторых, у меня не было ничего еврейского во внешности. Вполне нейтральная рожа.

Я не вписывался в трафаретный образ еврея. А образ этот за века нарисовался прочими народами такой, что мама не горюй.

Галя Кубдут

В третьем классе в нам пришла девочка бурятка, Галя Кубдут. Тихая, спокойная и аккуратная. Выделялась только личиком: смугловатое и плосковатое, с узкими

раскосыми глазами, а вообще даже милое. Училась она средне, и жили они средне – это легко определялось: кто жил получше, носил шелковые пионерские галстуки за 53 копейки, а кто победнее – штапельные за 27.

Она несколько недель проучилась, а потом на перемене Валерка Маркин стал листать оставленный на столе классный журнал, он тут был любопытнее и быстрее всех. И закричал:

– Бурятка! Бурятка! – смеясь, дразнясь и тыча пальцем в Гаю.

И несколько пацанов обернулись от стола и закричали, указывая:

– Бурятка! Бурятка!

И уже полкласса пританцовывало, высывая языки и глумясь:

– А?а! Бурятка! Кубдут бурятка!

Несчастливая Галя сжалась на своем месте за партой, голову уткнула в руки и беззвучно рыдала.

Чувствовал я себя отвратительно. Я был в той половине класса, которая молчала. И я тоже молчал. И ничем не заступился. Чувство было гнетущее и подлое. Было ужасно, что несчастную одинокую беззащитную девочку травит вся куча, и ведь все свои, нормальные ребята. И было трусливое облегчение, что травят не тебя. Вообще она мне чужая. А получается как громоотвод.

И только несколько наших девочек сказали, чтобы мальчишки перестали. Девочки вообще добрее.

Прозвенел звонок, и вошла наша Тамара Федоровна, и увидела плачущую Гаю, и спросила, что случилось, и ей сказали девочки, что мальчишки дразнили, как, что бурятка, кто, а они все, ну, почти все. И она обняла Гаю за плечики, и стала гладить по голове, а та совсем разрыдалась, и Тамара наша Федоровна вывела ее, не сопротивляющуюся ничему, к доске перед классом, и все обнимала и гладила по голове, и говорила, что мы поступили отвратительно, что все народы у нас равны, что только фашисты могут ненавидеть людей, которые из каких-то

других народов, и чтобы она никогда даже не слышала ничего подобного, ну и всякое такое.

Все и так понимали, что говорили и сделали, и слова Тамары Федоровны казались совершенно правильными, но не совсем искренними, что ли, ну, по обязанности, для воспитания, правильные, конечно... но как бы это сказать: до сердца не доходили. Вот что нехорошо сделали – это и так понятно. А слова – правильные, как должно, но не душевно звучали, что ли.

До конца уроков Галя не поднимала глаз и ни с кем не разговаривала. Она проучилась у нас до конца четверти, а потом исчезла. Родители забрали, значит. В другую школу перевели. А может, переехали.

...Прошло шестьдесят лет. Мелкий школьный эпизод из сотен и тысяч прочих. Всю жизнь это помню.

Дети очень жестоки. Возраст. Инстинкт стаи. Выбраковка чужих и слабых. Естественный отбор. Не дай бог.

«Бурят» и почти ему синонимом слово «дундук» означали у нас тупого, отсталого, малограмотного Пренебрежительно-ругательное.

...Много позднее, много позднее узнавали мы – те из нас, кто хотел знать – что степи эти и сопки, берега Ингоды и Онона, были родиной Чингиз-хана, и отсюда начался великий поход монголов, создавших величайшую империю в истории, покоривших Китай и Хорезм, дошедших до Адриатики и Египта. И сама-то Московия была северо-восточным улусом Орды, и после ее распада Иван IV, гордый родством чингизид, объявил себя царем, наследником Великого Хана в Сарае, и стал собирать под себя отпавшие ордынские земли от Казанского ханства до Сибирского. И что, пардон уж, мозг среднестатистических бурятов крупнее среднеевропейского, и АйКью выше, как у всех восточных азиатов. Хотя все это, конечно, в данном случае не важно.

Просто, наверное, на другом человеке травлю ощущаешь яснее и печальнее, чем на себе самом. И если раз ощутил – всю жизнь ненавидишь и презираешь, когда все травят одного. За то, что он не такой, как остальные. И придумывают причины.

Марик и Дудик

В пионерском лагере я был только раз, после пятого класса, и это был хороший пионерский лагерь – Забайкальского военного округа. Но весь пионерский сахар вожатые, тем не менее, клали в собственный чай и пили сироп. Лагерь располагался в сосновом бору на берегу реки, и мы купались – за месяц два раза по пятнадцать минут.

В лагере было восемь отрядов, и в шестом отряде на месяц угнездились два еврея: я и мой приятель на год старше, мы жили в одном ДОСе и ходили в одну школу, Марик Лапида. Специалист по расовому вопросу тут был лишней. Марик был выразителен, как хвост фазана: черные густые кудри, большие навывкате темно-карие глаза, закругленный горбиком нос и что-то неуловимое в интонации. Никого он не волновал, пока от лагерной скуки к нему не приколебался славянский ариец. У него была кличка Дудик, и фамилия Дудик, и был он худой, жилистый и русоволосый. А Марик, того же роста и возраста, был рыхловат.

Неделю в отряде, в бараке то есть нашем дощатом одноэтажном под соснами, Дудик проповедовал точечный еврейский погром.

– Пора этому вашему еврею морду начистить, – протяжно убеждал он, подходя к нашей половине. Мальчики шестого и седьмого отрядов жили в одном бараке, разделенные проходом между рядов кроватей.

Общество относилось к провокациям индифферентно, пока не созрело для гладиаторских боев:

– Марик, да дай ты ему! Ты ему дашь.

Седьмой отряд, соответственно, убеждал в победе Дудика.

Итак, назначили время после мертвого часа. На большой поляне в лесу, окруженной кустами.

Болельщики выстроились двумя подковами и напутствовали своих бойцов навстречу друг другу. Дудик смотрелся выигрешнее и улыбался. Марик был

напряжен.

Мгновенно выяснилось, что Дудик быстрее, но Марик сильнее и злее. Его превосходящая масса не оказалась пассивной. Кулаки Дудика попадали в цель без видимого эффекта, а Марик бухал по нему гулко, как по мячу. Дудик стал улыбаться криво. Он отлично приседал под удар в голову, но когда выпрямлялся – как раз получал в живот. Марик стал распаренным, оскаленным и пробивал его защиту только так.

Дудик уже только защищался и пару раз качнулся, когда его сторона закричала, что пора на полдник. Мы закричали, что вот через минуту Марик его добьет, да и хрен с ним, с полдником. Те обещали, что после полдника продолжим.

На полднике Марик сидел красный и потный, а Дудик опять иронически улыбался и выглядел как ни в чем ни бывало. Но после полдника его сторона заявила, что дрались вничью, а Марик нечестно бил Дудика в живот.

– Что нечестно! – орал Марик, уверовав в свои силы изуродовать Дудика. – Пошли додеремся!

Дудик улыбался и смотрел в сторону, оказавшись как-то в заднем ряду.

На том и кончилось. Марика никто не трогал. Свой. Утвердил себя. Дудик никогда не оказывался поблизости. Он не знал, что Марик любил драться. Просто он боялся родителей, если исключат за драку из лагеря.

Ломка стереотипа. Еврею не подобает. Кто ж знал.

Русский второгодник и еврейский друг

Во втором классе я зимой болел и за неделю подробно вылепил из пластилина очень красивый самолет: зеленый, с красными звездами, а снизу голубой; остекление кабины было сделано из кусочков прозрачного целлофана конфетной обертки, а внутри сидел крошечный летчик в шлемофоне. Второклассник Доронин, проходя мимо моей парты, смял его в кулаке. Мое рыдание его смутило, он не имел в виду ничего такого худого: вообще я не плакал никогда. И когда с началом урока учительница озаботилась моим горем,

Доронин каялся, что нечаянно, и предлагал помочь исправить. Он был совершенно нормальный пацан, ну просто учеба не шла.

Это я к тому, что когда классе уже в шестом друг Марик Лапида украдкой спихнул со стеллажа на пол картонный полигон с моей пластилиновой техникой – танки, бронетранспортеры, самолеты и даже санитарная машина, внутри которой лежали на носилках раненые – все сильно помялось!.. – он сделал это куда как намеренно и без всяких раскаяний. Причем свалил на своего отца, у нас гости были, и закатил ему обвинительную истерику. Через несколько лет, уже из разных частей страны, мы случайно пересеклись – и он признался: это он сбросил. Завидовал. Не умел так.

В Кейптаунском порту

В лагере мы обязаны были петь пионерскую песню «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры, дети рабочих». Мы ее ненавидели.

Ребята собрались со всего Забайкалья, и кто-то понахватаннее, читинский, знал такую замечательную песню: «В Кейптаунском порту, с пробоиной в борту, “Жанетта” поправляла такелаж...» В песне ликовала мечта и свобода: там пили и дрались, трещали узкие юбки и лилась кровь, и бесшабашные суровые моряки бороздили дальние моря и гуляли в портовых тавернах. Кто раз услышал, как в другом отряде пели эту захватывающую романтику – искал переписать слова. К концу срока она звучала гимном из всех корпусов.

Я привез ее домой в Борзю и научил своего друга Витьку Соловьева, а потом еще нескольких из класса. Летом мы с учительницей географии пошли в многодневный поход, человек двадцать из трех классов. Ночевали в палатках, а трижды – в деревнях, и там давали пионерские концерты. А перед концертом, за углом на завалинке или на траве, для души исполняли с аморальным энтузиазмом «В Кейптаунском порту» – под рев походного баяна. Боре-баянисту, из класса старше, мы напели, он сказал: «А, так это ж “Бабушка”» – и с ходу подобрал мелодию.

Это стала наша любимая и единственная неофициальная песня; не считать же похабные неуклюжие куплеты.

Понимаете, в те времена, до магнитофонов, не говоря о прочем, песня могла быть только официальной. Которая звучала по радио. Или входила в сборники песен для школьников и для художественной самодеятельности. Все. А барды начали появляться только в Москве и Ленинграде, но остальная страна этого даже не знала. «В Кейптаунском порту» была отдушиной, протестом, неофициальной и неподцензурной, и это чувствовалось запретным и интимным.

...Полвека спустя, в эпоху Интернета, мне подумалось вдруг, почудился некий легкий-легкий, малый-малый смысл в том, что в Борзю, своим друзьям и одноклассникам, а потом по деревням (местные пацаны завидовали и переписывали слова) эту песню принес именно я.

Эту песню – «Бай мир бисту шейн» – написал в 1932 году американский еврей, российский эмигрант Шолом Секунда – для нью-йоркского мюзикла на идише. Переведенная на английский и ставшая всемирным хитом в исполнении сестер Эндрюс, она дошла и до Леонида Утесова, который смастерил на мелодию русский текст «Старушка не спеша дорожку перешла» и исполнял со своим легендарным джазом. В этой обработке ее услышал и ленинградский школьник Павел Гандельман и написал на мелодию свой текст «В Кейптаунском порту» – с бесчисленными вариантами какого текста песня и разошлась в народе безымянно.

Евреи Секунда, Утесов и Гандельман. Так еще я тут с внедрением их творчества в среду русского народа Забайкалья. Почему я?!

Комсомол

В комсомол я горел и вступил сразу, как только исполнилось четырнадцать лет. В седьмом классе. Стояла весна 1962 года. Это был пик исторического оптимизма советского народа. Гагарин в космосе, советский вымпел на Луне, впервые в истории – фотографии обратной стороны Луны! ракета на Венере! Кубинская революция, Братская ГЭС, отдельные квартиры, «Голубой огонек»! (Анекдоты про Хрущева и Ленина – свободно!..)

Однако школьное начальство постановило, что прием в комсомол будет осенью, группой из обоих параллельных классов, уже восьмых. Организовано. И это возмущало меня страшно. Что значит «организовано»?! Это личное, по убеждению, индивидуально! Что-то в кино мы не видели и в книгах не читали,

чтобы в комсомол принимали «группой, организованно». Заявление, желаю в первых рядах, взволнованный голос и горящие глаза, старшие товарищи доверяют и поздравляют, вручая комсомольский билет!

Наверное, кровь еретиков и вольнодумцев дала себя знать. Я отправился в школьный комитет комсомола брать рекомендацию. Мне удивились и поотговаривали: к чему спешка? Осенью человек пятнадцать-двадцать лучших примут организованно... Я волновался. Они переглянулись. Сказали, что наступают каникулы – лето. Я сказал, что буду поступать в райкоме. Согласно Уставу ВЛКСМ. Статья номер. Комитетские девятиклассники снова переглянулись с девятиклассницами. Я был то старостой класса, то звеньевым, то еще кем-то; и хорошо учился. Что возразишь? Они сказали «ладно» и написали характеристику.

Райком помещался в бревенчатом одноэтажном доме. Наш райцентр был невелик и небогат. Девушка в комнате за тамбуром приняла заявление и рекомендацию, записала в журнал и велела зайти через неделю узнать срок приема. Через неделю она поводила ручкой по странице и назвала день и час. Дня не помню, помню только, что начало июля. А час – к часу дня.

Я пришел в пионерском галстуке, но речь не о нем. Я пришел с приятелем Мариком Лапидой. Он окончил уже восьмой, а не седьмой. Но учился на тройки, был разгильдяем, и его в прошлогоднюю осеннюю группу «приема лучших и достойных» не включили. Узнав о моем предприятии, он решил пойти по тем же следам. Собственно, только из-за Марика я и рассказываю эту историю.

Первого секретаря райкома звали Сергей Востриков, и он был симпатичный страшно. Небольшого роста, складно сложенный, крепкий и улыбчивый, светловолосый такой и очень приветливый. Он читал наши заявления, а мы стояли перед его столом и ждали. А за отдельным столом поменьше девушка, секретарша, видимо, заполняла два комсомольских билета и учетные карточки, списывая наши имена-фамилии из журнала перед собой.

Вот она остановилась и спросила:

– Веллер Михаил, национальность какая у тебя?

Это было неожиданно. Бестактно и лишне. От этого удара я покачнулся внутри себя и поплыл. И в этом полуголушенном состоянии, здесь, в райкоме, принимаемый в комсомол, чего так хотел и добивался, я проговорил с максимальным спокойствием, небрежностью, твердым достоинством и уместной скромностью:

– Еврей. – Но как бы ни казалось это произнесенным моему внутреннему я, из внешней среды я услышал свой голос немного сдавленным и затравленным.

Ни секретарша, ни секретарь на эту новость никак не отреагировали. Вероятно, они уже видели евреев.

– Лапида Марк, а у тебя национальность?

Марик побагровел, вспотел и выдавил:

– Как у него.

Я оглядел его с презрением превосходства. Если когда-то в пионерском лагере я позорно не поддержал его – то сейчас он трусливо выехал за мой счет.

Востриков правильно понимал жизнь. Он взял наши два комсомольских билета и сначала вручил Марику:

– Поздравляю, Марк! – И со сдержанной приветливой мужественностью улыбнулся и крепко пожал ему руку. А может, потому что Марик был старше. Но все равно.

– Поздравляю, Миша! – Я был вторым.

Все закончилось отлично и нормально. Сгладилось и исчезло.

Сергея Востриков мог бы сделать карьеру. Редко обаятельный был парень. Летом я несколько раз видел его: всегда в белой рубашке, он гонял по улицам на тяжелом «Урале» без коляски, вздымая веера песка на поворотах.

Тайная организация

К тому времени я уже прочитал «Бравого солдата Швейка». Гениальность Гашека постигается все глубже с возрастом.

«Кадетский корпус выработал из него хамелеона. Когда он преподавал в школе для вольноопределяющихся, состоявшей сплошь из чехов, то говорил им конфиденциально: “Останемся чехами, но никто не должен об этом знать. Между нами – я тоже чех...”»

Поручик Лукаш считал чешский народ своего рода тайной организацией, от которой лучше всего держаться подальше.»

Кто б мог подумать о братстве чешского и еврейского народов. Ну-ну.

За отсутствием негров

После восьмого класса, уже в Белоруссию отца перевели, сидим летом, поздним вечером, во дворе в беседке, пацанов десять. Гитар ни у кого нет, не умеют, денег на портвейн нет, дел нет, а по домам расходиться неохота. Погода хорошая...

– Скучно сидим че-то... – подает голос Шурик Лепендин.

А Юра Цумарев предполагает задумчиво:

– А давайте жидов бить. Негров у нас нету, так хоть жидов бить.

Темно, и в этой темноте я, совершенно свой, с нашего двора, мгновенно понимаю, что не свой. Хлоп! – открылась неожиданная шторка, и за ней оказалось то, чего прежде здесь не существовало. Для меня. Это я так думал. А на самом деле, оказывается, существовало.

Офицеров всего двое на все подъезды двора: мой отец и Леши Карповича. Остальные гражданские. Город. Друг мой Леша сидит рядом. И молчит, и все молчат. Никто не поддержал. И никто не возразил.

Национальный вопрос – дело тонкое. Если не все тут одной национальности. Русские и белорусы были одно, разница чисто протокольная. Но не всем же так везет.

А Юра Цумарев по-доброму уважаем. Он маленький, но очень крепкий, уверенный, бесстрашный, справедливый при этом, и с хулиганским налетом. «А дерется так, будто создан для этого!» – как выразился Леша Карпович. Возражать Юре нет причин. А поддерживать неловко – из-за меня. А он не в курсе явно. Он не из нашего двора, заходит иногда просто, он везде свой.

И я молчу, что неправильно и погано. Унизительно и гнусно. Мысленно я уже встал и сказал раз десять: «С меня не хочешь начать, Юра?» «Юра, а ты в СС не служил?» «Поганый антисемит, а еще чего хочешь?» и так далее. Но во всеобщей наступившей неловкости все молчат, из-за меня молчат, это чувствуется, и особенно я молчу, и уж именно мне-то неловко.

Ситуацию заело. Юра еще раз вяло повторил:

– Побьем жидов, что-нибудь будет. А то что так сидеть... – Он почувствовал ситуацию, но должен был подтвердить себя.

В тишине посидели еще и стали расходиться.

При встречах мы нормально с Юрой здоровались. В пацанской табели о рангах он стоял гораздо выше меня, его даже в других районах за драки и характер уважали: однажды он вообще директора своей школы по коридору гонял, передавали.

И во дворе, в нормальных наших отношениях с ребятами, дружеских и коротких, совершенно ничего не изменилось. Но что-то, вынесенное за скобки и скрытое от глаз, не существующее ни в каких проявлениях ежедневной жизни, за порогом сознания свой след отпечатало.

Репетитор

Учился я хорошо, и только весну одиннадцатого класса, часть третьей и четвертую четверти, ходил на частные занятия к математику. Школьный

математик, Игрек наш, был мужик хороший и легкий, но бестолков. После его объяснений запутывались все. А мне нужна была пятерка в аттестат.

Репетитора, с репутацией лучшего в нашем городе, звали Рувим Абрамович. Фамилия Риднер. Лет ему было под пятьдесят. Небольшой, сухощавый, волос черный с проседью. Левой ноги у него не было под самый корень, ходил враскачку на тяжелом протезе, пристегивавшимся широким ремнем через плечо. При ходьбе он заносил протез по дуге вперед, а когда садился или вставал, поправлял его в нужное положение руками.

Преподавал он блестяще. И пособия давал какие-то собственные. Знаки и степени в формулах с ясностью вставляли на свои места, и решать задачи было нечего делать.

Раз в месяц я приносил в конверте плату. А 8 мая отец дал мне денег вне расписания: на занятие принести Риднеру цветы – к Дню Победы. Его как раз в прошлом году сделали выходным и стали широко отмечать. За цветами я сходил на рынок – недалеко еще. Больше негде купить было.

Риднер был в другом пиджаке, не затрапезном. И белой рубашке. Справа на пиджаке был орден Отечественной войны и Красная Звезда. Над ними приколота маленькая колодочка: одна желтая полоска и под ней две красных. Нашивки за ранения. А слева – две медали: «За отвагу» и «За оборону Кавказа».

Я отдал цветы и поздравил с наступающим Днем Победы.

Листья уже распускались, учебники были приготовлены на столике в саду, под деревьями. Он жил в собственном маленьком доме с участком, тогда таких много еще было почти посреди города.

Мы сели за столик и он закричал в дом:

– Раечка, принеси нам два бокала и наливку!

От него пахло вином и одеколоном, и он был очень чисто выбрит.

– Сегодня занятия у нас не будет, – сказал Риднер. – Всю программу мы уже прошли, сейчас повторяем, на дом я тебе задачи дам.

Жена принесла два бокала, графинчик и мои цветы в вазе.

– Ну, за твое поступление, – поднял бокал Риднер, и мы чокнулись.

Потом я сказал в его честь и за День Победы, а потом он – за всех живых, и не дай бог, если еще раз. Похоже, у него легло на старые дрожжи, и он поплыл.

– Видишь эти цацки, – показал он на ордена.

Я был немного шокирован.

– Побрякушки это все. Для таких дураков, как мы тогда были. Это уж я так... ради памяти. – Он качнул головой и налил себе еще, и мне – немного:

– Будем здоровы.

И заговорил со мной как с равным:

– Я тебе скажу то, что от родителей ты не услышишь. И им можешь не рассказывать.

Видишь эту мою деревянную ногу? Это 4 апреля 1943 года, под Крымской. В наступлении. Я полтора года на передовой был, Мишенька. Пехота. Ротой командовал, до этого взводом. Странно, что раньше не убили.

И вот что я тебе скажу. Ни хера бы я сейчас воевать не пошел. За этих негодяев? – он указал пальцем вверх. – За этих палачей, которые за нашими спинами прятались? За то, что после войны всех евреев собрались уже на Дальний Восток переселить? Если б Сталин не сдох.

Я обмер и открыл рот. Ничего подобного я никогда не слышал. В нашем доме это было невозможно. Немыслимо.

– Ты еврей, и поэтому должен знать одну вещь. Справедливости для тебя нет и никогда не будет. Что бы ты ни делал – впереди тебя всегда будут ставить русского. И если ты хочешь сравняться в чем-то с другими – ты должен быть на пять голов выше их. Твой ум, твои способности, польза, которую ты можешь принести – никого не волнуют. Здесь всем на все наплевать. Ты должен без сомнений, бесспорно, на пять голов быть выше других – только тогда тебе, может быть, – может быть!.. – позволят занять место рядом.

Ты меня понял? Ты запомнил? Вот так.

Он выпил и налил еще, себе, – и немного мне.

...Через пятнадцать лет, перед Московской Олимпиадой, они с женой и взрослыми детьми уехали в Израиль.

Мамин наказ

– Никогда не надо жаловаться. Наши горести обрадуют наших врагов и огорчат наших друзей.

Жид в школьной программе

Слово «еврей» в книгах попадалось советскому школьнику нечасто. И синоним. В специфическом контексте.

«Ох, проклятый жид!.. как под мышками режет!..» Лермонтов, «Герой нашего времени».

«– Перевешать всю жидову! – раздалось из толпы... ..и толпа ринулась на предместье с желанием перерезать всех жидов.

Бедные сыны Израиля, растерявши все присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже заползвали под юбки своих жидовок; но козаки везде их находили». Гоголь, как вы понимаете, «Тарас Бульба».

«Входит жид. Жид: “Слуга ваш низкий”. Альбер: “Проклятый жид, почтенный Соломон...” Наше все Пушкин, «Скупой рыцарь».

Радость школьников энной национальности легко себе представить. Отрок порочного происхождения с плевком в душе постигает свое место в русской культуре.

Русская классика – наше сокровище, эталон высокой духовности. Школьная программа легализует печатное слово – оно легитимно.

...Бабеля читали только те, у кого он был дома. Единственное издание за послевоенные тридцать лет. В томике была жутковатая «Конармия» и феерические «Одесские рассказы». Там было полно как евреев, так и жидов, всех видов – от беспомощных жертв до победоносных бандитов. Это оказалась ни на что не похожая книга: евреи раскрывались в полном диапазоне от беззащитных калек до разухабистых героев, и вызывали чувства от жалостливого презрения до торжествующего восторга. Оказывается, естественный и нескрываемый (не замалчиваемый) еврей мог восприниматься с симпатией и уважением. Само собой; без ущербности и с достоинством.

Меж стихов

Мне было семнадцать, а в доме всегда были книги: много, с годами стеллажи встали во всю стену до потолка. Это было все нажитое родительское добро, они покупали («доставали») их везде и возили в ящиках из гарнизона в гарнизон.

В этом возрасте родители, сами начав самостоятельную жизнь в войну семнадцатилетними, сочли меня взрослым.

Однажды мама, мы были дома вдвоем, вытащила с полки синий томик Надсона в Малой серии «Библиотеки поэта» и прочитала вслух, как будто приоткрывая тихое напоминание:

«Я рос тебе чужим, отверженный народ, и не тебе я пел в минуты вдохновенья...» – и до конца: «Когда твои враги, как стая жадных псов, на части рвут тебя, ругаясь над тобою – дай скромно стать и мне в ряды твоих борцов, народ, обиженный судьбою».

– Вот так вот, – вздохнула она.

А после заключительного занятия у Риднера он через стол протянул мне двойной тетрадный листок в клеточку, мелко исписанный почти в столбик:

«Над Бабьим Яром памятников нет. Крутой обрыв, как грубое надгробье. Мне страшно. Мне сегодня столько лет, как самому еврейскому народу».

Ни автора, ни названия на листочке не стояло – ни сверху, ни в конце.

– Кто это? – спросил я, дочитав.

– Евтушенко. А ты думал, он только про стилиг и Братскую ГЭС писал?

Бабий Яр был запрещен цензурой к упоминанию. Как и Холокост вообще. Про могилы тысяч и десятков тысяч гражданского населения, даже если все убитые были евреями, установлено было писать: «Уничтоженные фашистскими палачами мирные советские граждане». С незначительными вариациями: «советские люди», «гражданское население». Могли упомянуть: «женщин, детей, стариков». Иногда могли перечислить национальности: «Тысячи советских граждан – русских, украинцев, татар, евреев, узбеков». Евреев в перечень могли включить, могли нет. Никогда не называли на первом или втором месте – даже если на тысячу евреев было трое иных.

...Чуть позднее попали мне в руки стихи опять же, без автора и названия: «И, в чужом жилище руки грея, старца я осмелилась спросить: кто же мы такие? – Мы евреи! Как ты смела это позабыть?! – ...Я спрошу у Маркса и Эйнштейна, что великой мудростью сильны – может, им открылась эта тайна нашей перед вечностью вины?»

Это оказалась Маргарита Алигер. Непечатавшаяся глава из поэмы 1946 года «Твоя победа». Ходили списки, некоторые строфы не совпадали.

Медаль

Я кончал школу в 1966 году, очередная реформа: с одиннадцатилетнего обучения перешли обратно на десятилетнее. В нашей лучшей в Могилеве школе № 3 было семь выпускных классов: три одиннадцатых и четыре десятых. Двести тридцать человек.

Обе золотых медали получили евреи: Веллер и Негинский. И три из пяти серебряных: Коган, Цедик и Куявский. Еще две серебряных получили русские: Курачков и Коваленко. При том, что евреев училось человека три на класс, в среднем. Человек двадцать всего, может двадцать пять, получается.

Директора звали Таисия Ивановна, белоруска, завуча – Станислав Янович, поляк. Подход к оценкам был жесткий и честный: в прошлом году школьные медалисты посыпались при поступлении в минских и московских вузах, и РОНО сделало суровый втык школьному начальству: у них там выполнялись какие-то свои планы и методички, в которых надо было отчитываться не только за количество, но и качество товара, в смысле соответствия медалистов требованиям высшей школы. Так что национальный фактор был выключен, давайте объективный. (Что касается здесь взяток и услуг – в те времена об этом даже не слышали. В Белоруссии и России, во всяком случае.)

Филфак ЛГУ

Поступать я хотел только на филологию Ленинградского университета, и все сообщали, что меня туда не примут. Идеологический факультет и вообще. Не с моим копытом в калашный ряд.

Конкурс в тот год был на русское отделение 12,9 (на английское переводческое вообще 34). Никак не могу сказать, чтоб на вступительных экзаменах меня резали – нет, отношение совершенно же доброжелательное было.

На курсе у нас училось триста человек – на стационаре, не считая вечернего и заочного. Да, так я хотел только сказать, что еврей там оказался я один. Ну как-то так. Поздней знающие люди объяснили: из провинции, отличник, отец военнослужащий, член партии – я подходил: анкета успокоительна, а нужен пример демократизма, равенства и непредвзятости, на случай предъявлять друзьям и врагам.

Курсов было пять, полторы тысячи человек, стало быть, и «айд» на все полторы тысячи был еще один – Аркашка Спичка с чешского отделения, на два курса старше. Инаф. Аллес капут.

Комсорг

Я был, что называется, пламенный юный коммунист. Идеальный и наивный. На первом курсе я был комсорг группы – двадцать три человека. На втором – комсорг курса, то бишь секретарь курсового комсомольского бюро; это уж триста рыл, значит. Потом я дорос до председателя стройкома факультета – организация и координация, как бы это выразиться, филфаковских ССО – студенческих строительных отрядов, сектор факультетского комитета ВЛКСМ; я ездил в дальние стройотряды на Мангылшак и в Норильск после первого и второго курсов.

Национальность здесь не имела никакого значения, и только однажды, уже в конце третьего курса, когда мы сидели после занятий в комитете и пили пиво, меня по-доброму, свои ребята, с юмором, спросили:

– Ну а ты-то, Веллер, за каким хреном в комсомольскую работу влез? Для тебя же все равно Монголия за граница.

Они все были с английского, испанского, французского отделений, им нужно было вступать в партию и иметь хорошие анкеты – все хотели работать за границей, в странах языка, переводчиками или клерками любого рода. Валюта, мир и карьера. Хорошие ребята. Всему свой возраст и свое время.

Мало того, что я с русского отделения, так еще и еврей. Мало того, что еврей, так еще вообще с русского отделения. Мы поржали. Веселый цинизм. Ничего недоброго. Исполненная энергии и жизнелюбия юность констатирует факт, и под некоторым углом рассмотрения факт забавен.

...Я вспомнил товарищеский прогноз десять лет спустя, когда въехал с сезонной бригадой скотогонов в Монголию принимать гурт барана и сарлыка в перегон до Бийска.

Библия

Университетский филфак раскрепощал. На первом же занятии по старославянскому языку преподавательница шутливо, но наставительно попеняла:

– Милые мои, филолог, который не читал Библию – это же нонсенс!

Мы раскрыли рты. Половина группы – медалисты. В своих провинциях мы такого не слыхали и помыслить не могли. Религия – опиум для народа. Статья в «Правде»: «Не заигрывать с боженькой!». Библия – это сказки для темных людей прошлого.

Образование лишает ум невинности.

Библия оказалась написана евреями. И все ее герои были евреи. Они страдали от угнетателей и в славе героев побеждали врагов.

Библия была запрещена к продаже, ее ни у кого не было и невозможно достать, но в факультетской читалке выдавали несколько экземпляров: просто Синодальная Библия, шесть огромных черных томов из одиннадцати «Толковой Библии с комментариями» Лопухина и также дореволюционный один том из трехтомной Библии с иллюстрациями Густава Доре.

Христос оказался еврей, мать его, она же дева Мария, носила еврейское имя!!! и двенадцать апостолов (кто такие?) тоже евреи, и так далее... И все эти еврейские истории и подробности две тысячи лет почитались всеми народами, в смысле всеми цивилизованными народами.

Мир был странен и противоречив. И евреев в нем делалось все больше.

Русская филология

Куратором нашей первой русской группы был блестящий лингвист Владимир Викторович Колесов, интеллигентнейший ум старой петроградской школы. Кафедрой русской литературы заведовал знаменитый Макогоненко, щеголь и звезда, советской – Выходцев, кудрявый седеющий гигант, геройский фронтовой

разведчик в прошлом и бездарный прохиндей в настоящем. Фольклор первому курсу читал Горелов, а четыре лекции нам в первом нашем семестре еще прочел в последний раз великий и легендарный Владимир Яковлевич Пропп.

Мы были советские интернационалисты и воспринимали многонациональность страны как естественное. Пропп оказался немец, что с того. Владимир Иванович Даль был датчанин, Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ – поляк с французской родословной, что Дитмар Эльяшевич Розенталь еврей мы подозревали еще в школе согласно фамилии на учебнике.

Нам, юным лоботрясам с заоблачным самомнением, университет передавал славные традиции и высочайший уровень Петроградской филологической школы. А это родоначалие всех мировых школ русской филологии. И вот среди блестящей профессуры:

Русскую литературу XVIII века нам читал Павел Наумович Берков, первую часть второй половины XIX – Григорий Абрамович Бялый, вторую часть – Исаак Григорьевич Ямпольский. Георгий Пантелеймонович Макогоненко (1-я половина XIX) с его блеском и авторитетом возглавлял и покрывал эту сомнительную, выразимся так, шайку. Он превосходил лекторским талантом и обаянием всех прочих, студенты его обожали и предавались предмету беззаветно – он легко был снисходительным и справедливым.

Кафедра же советской литературы это сионистское гнездо ненавидела, но в силу малых заслуг и бездарности деяний была бессильна бороться. На ней еще работал Лев Абрамович Плоткин, один из двух авторов школьного учебника советской литературы. Старшекурсники нам поведали, что в 1946 году после Постановления ЦК ВКП/б «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» и начала травли Ахматовой и Зощенко, в номере 7-8 «Звезды» вышла статья Плоткина «Проповедник безыдейности М. Зощенко» – и в читалке журнал выдают.

(...Мне было уже под тридцать, мы шли летним вечером с другом по улице Ракова, ныне Итальянской, и на газетном щите я увидел некролог – умер Плоткин. Рефлекторно, не рассуждая, с мстительной злобой я плюнул на этот некролог. Единственный раз в жизни делал я подобное. Мы не были равнодушны к истории литературы, которую нам передали.)

На той же кафедре работал соавтор Плотника по школьному учебнику – Евгений Иванович Наумов. Этот евреем не был – напротив: когда гениального литературоведа Григория Александровича Гуковского, завкафедрой русской литературы филфака ЛГУ и бывшего декана факультета «подвергли общественному осуждению и ходатайствовали перед органами» в 1949 в ходе процессов над космополитами, любимый аспирант Женечка Наумов выступил и полил его грязью больше всех. Гуковский через год умер в тюрьме, а Наумов начал писать докторскую.

Литературный Ленинград оказался неслабо замешан на еврейском вопросе. Вместе с Гуковским тогда втапывали в грязь академика Жирмунского, профессоров Азадовского и Эйхенбаума. Знаковые все фигуры! Всех выкинули из университета и Пушкинского дома, все перебивались бедной и позорной поденщиной; двое вернулись к работе только после хрущевского XX Съезда. Азадовский не дожил – умер раньше.

Борис Эйхенбаум, мало того, всю жизнь трясся: его брат Всеволод, знаменитый анархист, был идеологом у Махно под псевдонимом Волин, дважды арестовывался большевиками, бежал за границу и прожил жизнь во Франции. Расстреливали людей и за куда меньшее по обвинению в шпионаже на Францию и зарубежные разведки.

Да, а поскольку показателем вкуса и компетентности был у нас тогда в поэзии Серебряный Век, а в литературоведении ОПОЯЗ – декаданс и формализм в пику осточертевшему и осмеиваемому официальному соцреализму, – мы погрузились в эти открывшиеся посвященным, запретные миры.

ОПОЯЗ – Общество изучения поэтического языка, возникшее в Петрограде в 1916 и рассосавшееся в середине бурных тридцатых. Так мы сейчас сидим на еврейской теме и на ней же едем:

Главный основатель – Шкловский, с ним – знакомый нам Эйхенбаум и Тынянов (все трое, не сомневайтесь). Это – в литературоведении. А в лингвистике – Якобсон, Якубинский, Поливанов. Стиховедение: Брик, Бернштейн. И в разное время примыкавшие к ним Гинзбург, Векслер, Слонимский, Ховин, Томашевский – то есть подавляющее большинство сей могучей кучки. Отъявленные русисты.

Это они создали теорию изучения литературы как прежде всего изучение законов структуры вербального носителя, формы как суммы приемов художника, определили появление структурализма и постструктурализма, двинули на новый этап семиотику и проложили путь ее развития в литературоведении и языкознании.

Такая штука: изучая русскую литературу, еврей перестает быть национально одиноким. Национальность уже в силу профессии ассимилирует в русскую сторону. Внося в русское дело и вещество жизни еврейскую неугомонность, изобретательность и страсть.

1967

Май – Шестидневная война. Израиль разгромил: Египет, Сирию, Иорданию, а также помогавшие им контингенты Алжира и Ирака. Советский Союз, оскорбленный поражением своих друзей и союзников, накаченных советским оружием и обученных советскими советниками, разорвал отношения с Израилем. Газеты наполнились карикатурами: горбоносый еврей в огромной каске тянет окровавленную когтистую лапу к сияющим мирным землям арабов в белых одеждах. На книжные витрины пошел поток брошюр: «Сионизм – это современный фашизм» и тому подобное.

И было задействовано неофициальное правило – «Три “Не”»: евреев не принимать, не продвигать и не увольнять. Действовало оно исправно. То есть никого никак не репрессировать, работающих не трогать, пусть дорабатывают на местах, а вообще дистанцировать их от большой жизни.

В результате одновременно прорастал необнаружимый еврейский национализм. Он появился (далеко не у всех) двадцатью годами раньше в ответ на гонения, унижения и страхи процессов космополитов и врачей-убийц. Ассимилированным советским интернационализмом, исполненным коммунистического мировоззрения, евреям напомнили, что они евреи.

А после победоносной Шестидневной войны евреи выяснили, что могут быть не только жертвами, но героическими и торжествующими бойцами. И Москва бессильна что-либо с ними сделать: евреи перемололи горы нашего оружия и осрамили наших советников. Май 1967 послужил к еврейской гордости. Причем! – изрядная доля советской интеллигенции эту победу поддерживала!

Потому что фанфарное пение и барабанный треск к 50-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции всем изрядно осточертели. Оппозиционные настроения и чувство эмоционального и стилистического протеста выразились в солидарности с Израилем, а не арабами. Которым реально никто не сочувствовал, считали бездельниками и трусами.

Из знаковых анекдотов эпохи:

- Вы слышали? Вчера наши сбили семь наших самолетов!

Короче, после мая 1967 советские евреи стали более евреями как объективно, на правовом уровне, - так и субъективно, по самоощущению. Любой еврей воспринимался властью как скрытый потенциальный оппозиционер, то есть антисоветчик, и власть принимала разумные меры.

Двадцатилетние студенты университета в курсе уже всех новостей...

1968

Сути волнений и бунтов 1968 на Западе мы, советские комсомольцы, не понимали совершенно. Более того - подавление нашими танками Пражской весны мы полагали правильным и необходимым. Но от старших мы узнавали о закручивании гаек, о конкретном решении бороться с политическими анекдотами и «армянским радио». А главное - после 1968 усилили все закручивания? 1967.

Еврейский вопрос приобретал прокурорскую строгость - и вдруг в воздухе проступали невидимые ранее нити некоей двухуровневой паутины особого отношения к евреям - государственного и народного. И ты обнаруживал себя точкой на пересечении нескольких нитей.

Случайные слова

После стройотрядов на Мангышлаке и Таймыре, заработав впервые весомых собственных денег, поздоровев и войдя в авторитет на факультете, забываешь о стеснительности и застенчивости. Комплекс неполноценности исчезает и

заменяется странным другим комплексом – некоей дополнительной инаковостью по сравнению со всеми. Ты как все – плюс еще немножко. Немножко – это еще и еврей. На тебе, таком как все, где-то оттиснута дополнительная печать.

И когда как-то в подъезде мы зацепились случайными словами с поддатым мужиком, на его: «Ты вообще кто? Русский?» – я ответил с прямым вызовом: «Еврей!». «Вот то-то!» – сказал мужик. «Что – то-то?» Мужик осмотрел меня и кратко подумал. «Да нет, я вообще-то ничего», – мирно сказал он: «Ну, еврей, так какая разница...»

Или летом во дворе играли в настольный теннис. А в тени на лавочке старушки обсуждали свои проблемы. И из тихой пересыпи речей выдвинулось мне в спину: «Еврей парш-шивый...» В голове взорвалось, я шагнул с ним и сдавленно и бешено просипел: «Кто это сказал?» Бабки поджалась. «Кто это сказал?» – повторил я. Хотел бы я знать, что бы я сделал, если бы мне ответили. Ничего я не мог им сделать. Но они молчали. «Антисемитские морды, мать вашу ёб», – прохрипел я. «И что тут такого, – сглаживающим тоном сказала одна. – Если я вашу нацию оскорбила – ну, и вы мою оскорбите». «И рук ваших здоровых мы не боимся», – добавила другая.

Я заметил, что стою напряженный сгорбившись, немного раздвинув полусогнутые руки, в одной держа ракетку. Сделалось неловко. Я вернулся к столу и продолжил играть, не попадая по шарикам. Друг мой после паузы поддержал, обратился осуждающе: «Как вам не стыдно». И как-то тихо-незаметно и они с лавочки снялись, и мы пошли портвейна купить.

Я к чему эти ничтожные мелочи всю жизнь помню. Они – как игольные неразличимые точки наколоты на окружающем зелено-голубом и солнечном пространстве. Но точки эти намеком на скрытый узор обозначают окружающую тебя сферу, и сфера та – отведенное тебе, еврею, пространство с барьерами и минами за этими значками.

Инка

Был в Ленинграде знаменитый «Сайгон» на углу Невского и Владимирского, а был рядом бар, он же коктейль-холл «Подмосковье» – за стенкой, при холле гостиницы «Москва». И весенним вечером я, студент третьего курса, пил там на свои три рубля два коктейля. Мудрость веков и несправедливость жизни

продавили мне психику. Двадцать один год, кризис молодого возраста.

Приходили люди, бар наполнился, за столик подсели, завязывались разговоры, взрослые специалисты ставили бедному студенту, а через столик сидела в профиль девушка, от которой холодело в животе. Мягкие черты, белокурые волосы, и светлый плащик затянут на тонкой талии. Воплощение юной женственности, рождающее тоску по сказке. Я только на нее и глазел. Бар, табачный дым, опьянение, вечер и неожиданная любовь. Но с ней был тридцатилетний верзил в нелепом фирменном прикиде, а у меня не было ни копейки и некуда вести.

И вот полдвенадцатого, и я уже набрался угощений, и давно стараюсь на нее не смотреть, чтоб не травить душу и не давать повод меня презирать, сейчас она уйдет.

И вдруг слышу над ухом голос: нежный, высокий, тихий девичий голос:

– Молодой человек, как вас зовут?

В полном же обалдении оборачиваюсь – и вижу над собой ее серые глаза, и розовые губы, и тонкую точеную фигуру, и с деревянной глупостью вешаю звук:

– Может быть, мы отойдем куда-нибудь?

– Нет, – возражает она ровно, – я не одна.

– Миша, – говорю я механически.

– Миша, я хочу, чтоб вы мне позвонили, – и сует мне в руку бумажку с телефоном.

Бредя ночью влюбленный, я и придумал эту фразу: «Раз в жизни сбывается несбыточное».

Это я к тому, что. Через два дня мы выпили кофе в «Сайгоне», потом по коктейлю рядом, ее звали Инна, и она была потрясающая. И смотрела на меня своими серыми прозрачными глазами, и жила одна в квартире родителей-

полярников.

Ей было двадцать, мы гуляли по Фонтанке, курили на скамейке в Летнем саду, нас так и клонило друг к другу, и она спросила (тоже хотела в университет, из любопытства посмотрела мой студенческий):

– Миша, вы чисто русский?

Я был не готов. Откуда, и здесь, опять. Менее всего я собирался сейчас утверждать свое национальное достоинство. Любовь – это когда ради нее ты можешь предать Родину.

– Чисто, – отвечал я с легким ласковым недоумением. – Особенно после душа, – плоско шутил. – Фамилия? Прадед был эстляндский немец, ничего?

– Просто я считаю, что не должна иметь дело с людьми ниже меня, – сказала Инна. – Верно же? Какого черта.

...Черт возьми, я никогда не считал, что потом она долго имела дело с человеком ниже ее. Ничего подобного близко не выказывала. А прелесть и красавица была редкостная.

Вот и разберись: я позорно и малодушно не признался в еврейской национальности – или обманул честную открытую девушку, преследуя собственные намерения? Острая и восхитительная дилемма: борьба противоположностей, которые хотят слиться.

Отец

В 1968 году отец получил назначение на начальника крупного госпиталя под Москвой – полковничья должность. Он был призван в армию в июле 1942, сразу после школы за две недели до семнадцатилетия, и по военкоматовской разнарядке тут же направлен в Военно-Медицинскую Академию, как окончивший десять классов, да еще на все пятерки. К 1968 дослужился до подполковника, начальника областного госпиталя, защитил кандидатскую и писал докторскую. В Управлении кадров медслужбы Министерства обороны сообщили, что его кандидатура идеальна, чего уж там: член партии, 26

календарей, служба в Германии и отдаленных районах, все ступеньки службы, начиная с младшего полкового врача, кандидат наук, научные внедрения, награды. Верти дырочку в погонах, подполковник, с тебя причитается.

Приказ все не утверждался, суетиться под начальством в армии не принято. После нового года выяснилось, что место уже занято. В Москве был старый сослуживец с министерскими связями. Какого хрена ты сразу не позвонил? – спросил он по телефону. А в конце утешил: – Плюнь, здесь все равно ничего нельзя было сделать. Просто твоя фамилия и графа. Новые ветры с прошлого года. Вернее, старые.

Маршруты космополитов

Когда я был дома на каникулах, отец кратко помянул несостоявшийся перевод и сказал в утешение про старого приятеля и однокурсника Макса Кушаковского, уже доктора и профессора в Ленинграде, знаменитого кардиолога: в 1951 Макса, кандидата наук и молодую звезду кафедры, выперли из Академии врачом аж в Красноводск. И сидел он там тише воды ниже травы пять лет, пока не пошли хрущевские послабления.

Года с 1947 и до смерти Сталина евреев старались выпихивать со всех мест куда подальше. Поскольку, скажем, сопки Маньчжурии на монгольско-китайской границе – это вполне подальше, то в борзинском военном госпитале евреев была половина врачей. По северам и дальним востокам можно было формировать еврейские офицерские роты.

По редчайшей случайности доводилось мне в студенческие годы сидеть за одним столом с физиком, ядерщиком из первой курчатовской группы, последним из живых. Вот он рассказывал: Курчатов заходил на экзамены старших курсов в МФТИ, слушал и после тыкал пальцем в список: мне этого, этого и этого. Игорь Васильевич, но ведь Лазарь... и Герштейн... вы понимаете. Этих, я сказал! Его курировал Берия лично, их ограничения не касались – дай результат.

К чему эти сведения общего характера? А это все капает и капает на темя информация, воспринимаемая как сугубо тебе личная: когда узнаешь это впервые, да еще в двадцать лет. Сталь не сталь, хрен его знает, что там закаляется.

Родня

Перед смертью бабушка, мамина мать, рассказала мне, что всю их каменец-подольскую родню расстреляли не немцы, а украинские полицаи. А выдали полиции соседи. Люди все сказали, когда она с дочерью, моей мамой, вернулись из эвакуации. Они успели убежать пешком, сутками на ногах.

Голос крови

Другая бабушка рассказала другую историю. Когда молодой отец, слушатель Академии уже в офицерских погонах, вернулся ненадолго в родительский дом в Ленинграде, пара милых однокурсников евреев же, научили его прочувственному традиционному тосту на идише. На идише отец не понимал ни единого слова, в их доме язык вообще не звучал, и ему написали текст русскими буквами на бумажке.

На день рождения матери собрались выжившие родственники, а было их когда-то семь сестер-братьев у папиного отца и десять у матери, и почти половина выжила, да с женами-мужьями, все немолоды. За праздничным столом молодой офицер встал и произнес заученный тост. Женщины побагровели, мужчины заготовали и сползли под стол. Бабушка, отцова мать, закрыла глаза и провалилась сквозь землю. Это был набор отъявленных и неприличных ругательств, смесь солдатской грубости и сексуальных извращений, сулимых всем присутствующим.

Это был первый и последний опыт отца на идише.

Вот в такой сугубо советской семье я рос.

Горизонты карьеры

Таким образом, к четвертому курсу я лучше представлял себе то будущее, которого никогда не будет, чем то, которое возможно. Запрет вообще конкретнее разрешения.

Там, где ты ничего не можешь, ты ничего не должен хотеть, на грани издевки и стоицизма сказал Сенека. Мне чудовищно повезло: я не хотел того, чего не мог.

Я не хотел оставаться в аспирантуре. Не хотел писать кандидатскую и докторскую, вообще не хотел быть литературоведом, доктором, профессором. Лингвистом тем более не хотел. Жизнь облегчалась. Меня бы туда никто и не взял. В обозримом будущем.

Еще я не хотел работать за границей. Увидеть ее – о да! Но быть там переводчиком или преподавать иностранцам – мы уже видели на факультете стажеров из Франции и Штатов: редко тупые ребята.

Я хотел в жизни две вещи. Первая – написать книгу рассказов. Пусть даже одну за всю жизнь – но хорошую. И вторая – все остальное. Остальное – это видеть мир и работать самые разные работы. Пиратом уже нельзя. Но моряком рыбфлота, лесорубом, промысловым охотником – можно.

Еще меня интересовали девушки, и они тоже не спрашивали национальность. Кроме одной (которая все равно привела меня в постель).

Таким образом, у работаг национальность роли не играет – если только не за границу. А там, где она играет, мне ничего не нужно.

Вы чувствуете: я как-то пристроился со своей национальностью так, чтобы она мне не мешала. Я не пробивал головой стены не потому, что слаб или труслив, а потому что мне там ничего не надо было. Это примечательный психологический феномен.

Бородатая советская шутка

Объявление:

Меняю одну национальность на две судимости.

И ведь смеешься без всякого трагизма! И хрен поменяешь.

«Нева»

На пятом курсе вместо распределения учителем в сельскую школу открылась сияющая возможность: журналу «Нева» дали третью ставку в отдел прозы, младшего редактора. Это был толстый литературный журнал, престижный и уважаемый, с редакцией в начале Невского, почти угол Адмиралтейского проспекта. Эркер второго этажа выходил окнами на Дворцовую площадь, и оттуда можно было смотреть парады (правда, на это время милиция перекрывала все ближние подъезды и проверяла пропуска).

В прозе «Невы» прошлой весной я месяц читал рукописи и редактировал идущие в набор, отрабатывая журналистскую практику (вместо фольклорной). Отдел одобрил, и еще дважды по месяцу меня приглашали делать то же самое, когда редактор или завредакцией отъезжали на разного рода семинары и совещания в Дома творчества. Оплачивали меня из редакционного бюджета, то есть давая рукописи на платное рецензирование. И.о. младшего редактора на добровольно-доверительных началах. В сущности, я был подготовленный и проверенный кандидат на знакомое место.

– Миша, – с добрым цинизмом улыбнулся старший редактор, мой шеф Саша Лурье, принимая от меня заполненную анкету, – вы ведь понимаете, что шансы близки к нулю. В отделе из двух человек один еврей у них уже есть – это я, и это больше, чем они хотели бы. Если взять еще вас, то тут возникнет 66,6 % процентов потенциальных сионистов, и никакой обком это не пропустит в страшном сне, хотя ему это не грозит, потому что не пропустит наш собственный отдел кадров, его за этим и держат.

Я не возлагал надежд на пустой номер, и когда вопрос о моем приеме растворился в пустоте, не переживал. Попытка не пытка, не правда ли, товарищ Берия.

Взяли на место Лешу Иванова, хорошего парня, начинающего писателя из спортсменов, бывшего гребца.

Антисионистский комитет

Советская идеология требовала борьбы. Америку перестали обвинять в империализме, ФРГ – в реваншизме, и даже Китай – в гегемонизме. Рейтинг Израиля в советском информационном пространстве резко вырос – он обвинялся в сионизме, худшем из всех пороков.

Быть евреем стало означать причастность к преступлениям против человечности.

Для мобилизации рядов и консолидации взглядов создали Советский Антисионистский Комитет. Его направленность была предельно проста: советские евреи – против сионизма и расистской военщины Израиля. Иногда Комитет заседал в телевизоре и клеймил убийц беззащитного арабского народа.

Представительствовали уважаемые лица еврейской национальности: израненный Дважды Герой танкист Драгунский, любимая народом Аксинья из «Тихого Дона» – Элина Быстрицкая и т. д.

От Белоруссии там никого не было. Отца решили пощупать на ампула рядового советского еврея с идеальной биографией: офицер, коммунист, врач, кандидат наук, в семье никто не был репрессирован. На работу пришли двое приятных ребят в серых костюмах. Как живете, слышали ли о Комитете. Отец дистанцировался: офицер, коммунист, присяга и приказ, занят работой. Дали прочитать страничку и предложили подписать: статья для «Литературной Газеты». Спасибо, я не публичный человек. А для «Советской Белоруссии»? «Могилевская Правда»? Нет? А вы никогда не думали об отъезде в Израиль?

Отец поставил им на вид:

- Молодые люди, я офицер, вы обратились не по адресу.
- Ну вот, вы можете написать, почему никогда не собирались уезжать.
- Знаете, пусть пишут те, кто этим занимается.

Современный фашизм

Ленинград, лето, Невский, впереди меня гуляет юная субтильная пара, и мальчик авторитетно объясняет своей девочке:

- Потому что сионизм – это современный фашизм.

Говорю сзади:

- Молодой человек, фашизм – это однопартийная система, цензура, военные парады и никакого инакомыслия. А там – много партий, сто мнений по любому вопросу и никаких парадов. И езжай свободно в любую страну. А теперь думайте.

Они обернулись и смотрели растерянно. Мальчик подумал и сказал:

- С чего вы взяли.

Народ насчет евреев

В скотоперегоне на Алтае, уже спустились с высокогорья и в появившихся деревнях меняли бараньи туши на выпивку, нажрались мы в хороший вечер на удобной стоянке. Прошлой ночью я дежурил со скотом и рано ушел спать, ребята гуляли. Проснувшись от жажды, услышал разговор у костра: бригада обсуждала личности. «Нет, ну Миша, он, конечно, еврей. Но старается! Нет, нормально работает». Пить расхотелось. Больше я про себя ничего не услышал и заснул. Нет, ты понимаешь! Все нормально, слова никто плохого, ни сном ни духом, все свои, бригада друг другом держится – ан еврей. Ничего плохого. Но знают и помнят. И нет в том ни вины, ни беды – а вот просто знак. Ваня полицай, отсидев десятку ограничен на поселении по Горно-Алтайской области, Женька детдомовский чечен, сидел за драку, Володя Камирский с зоны: одиннадцать лет от звонка до звонка, Вовка Каюров в бегах из Владивостока от семерых с алиментами, Вовка Черников только пятерик оттянул – двинул инструменты ансамбля песни и пляски, – а Миша еврей. Придя осенью в Бийск, неделю квасили в общаге, ждали из бухгалтерии расчета – у народа в уважухе: ну же у вас бригада, змеи!

...И мне близилось тридцать пять, когда вышла первая книга, я жил один в Таллине, и штабель книжных пачек громоздился в углу ободранной обители. И

свалились без звонка и письма Саша с Лидочкой, промысловики с Таймыра, год назад мы работали сезон вместе в охотбригаде. Матерые северяне гуляли свой полугодовой раз в три года отпуск со всеми оплаченными дорогами. Утром Лидочка, балдея от роскоши эстонской жизни, легко вызывала такси и таранила с рынка парную телятину и горы овощей. А супруг, Саша, стало быть, отправлялся со мной в магазин и неуклонно начинал день с двух бутылок «Вана Таллина». Фейерверк жизни гремел десять дней, после проводов я еще неделю плакал «Вана Таллином», сморкался, писал и потел «Вана Таллином», и до сих пор видеть его не могу.

Это к тому, что паспорт у меня валялся рядом с остатками гонорара прямо на дареном дряхлом письменном столе, и Лидочка взяла его посмотреть. Посмотрела и перевела взгляд на меня:

– Миша, так ты чо... еврей, что ли?

На Севере вопросов не было. По умолчанию я канал за эстонца – фамилия, Эстония, без вопросов, все тактично.

– Да, – сказал я.

Саша протянул руку, взял у Лидочки мой паспорт, тоже прочитал и ничего не сказал.

После паузы, из которой все искали как лучше выйти и вернуться к взаимной любви, Лидочка по-доброму посоветовала:

– Ты им не открывай, что ты еврей.

– Кому?

– Эстонцам.

– А что?

– Да они, знаешь, не очень советские все же люди. От них всякого можно ожидать...

И все продолжалось отлично. Но к вечеру ежедневно были пьяны, и случайно я услышал из второй своей комнатухи, где спали Саша с Лидочкой:

- Да ты чо, еврею разве можно верить.

Расставались мы в поцелуях, с пьяными слезами на глазах.

«Скороход»

Единственная в мире ежедневная газета обувщиков, четырехполосная, двенадцать тысяч тираж, шла на четырнадцать обувных фабрик Ленинграда, Архангельска, Петрозаводска, Невеля и еще не помню куда. «Мамка»-редактриса подбирала мальчиков «с головами, но без штанов», как выражаются наши друзья немцы. Она получала премии и призы, ее ставили в пример на совещаниях. А мы получали зарплаты, облегчали жизнь вступлением в Союз Журналистов, могли нам дать комнату в общежитии, а со временем и квартиру, нацелившиеся на карьеру получали возможность вступить в партию – со своих фиктивных рабочих ставок затыжчиков, вырубщиков и намазчиц: якобы рабочий класс.

Таким образом, половина редакции была, естественно, евреи. И даже однажды Вовка Бейдер, земляк мой, оказавшийся по рождению из Каменец-Подольска, пригласив пару человек в субботу в гости, поставил какие-то фрагменты сервиза, полагающегося на Песах, и сделал шуточный, а отчасти соответствующий жест:

- Евреи, - сказал он, - прошу за стол.

И все заржали, вложив в ржание массу чувств, где главными были – причастность и одновременно непричастность к этим словам и церемонии. Ирония и самоирония, ностальгия и гордость, тоска и вечная мимикрия, неуверенность во всем и самозащита, комплекс национальной неполноценности и начавший противостоять ему комплекс подвига трехтысячелетней истории – легкий смех советского еврея был непостижимо многозначен.

Таково было первое мое прикосновение к «еврейской жизни», если тот обед с тостом «Ле хаим!» можно считать еврейской жизнью. Точно помню, что на небогатом столе наличествовали масло и колбаса рядом. Слова «кашрут» никто из собравшихся советских журналистов не знал.

Все выше сказано как предисловие к появлению в редакции практиканта. На дворе стоял 1975 год, а юноша приехал на журфак из Сирии. Дружественный араб. И его направили к нам на практику. И в редакции спихнули мне. Мы сели за длинный редакционный стол и закурили, а из кухонного закутка ребята принесли кофе и присоединились.

На правах замредактора обстоятельный Вовка Бейдер приступил к процедуре введения практиканта в курс дела:

– Али, это будет руководитель твоей практики. Его зовут Михаил, можешь звать просто Миша. Фамилия – Веллер. Он лучший очеркист у нас в редакции, слушай внимательно все, что он скажет.

Араб был маленький, молоденький, хорошенький, смугленький и гладенький, с черными блестящими глазками, черными блестящими волосами и тонким горбатым носиком. Просто сладкий красавчик карманного формата для любительниц восточного типа.

– Веллер – это русская фамилия? – приятно улыбаясь, осведомился он.

– Не совсем, – сказал я тактично, как мог, и ощутил мстительность своей интонации.

И тут народ невольно загоготал. Ситуация обернулась изящно. Гоготал горбоносый лупоглазый Иоффе с козлиной бородкой. Гоготал Ачильдиев, укрупненная копия арабчонка, но из бухарских евреев. Гоготал сам Бейдер, внешностью тип молодого поселенца-головореза с черной бородой, орлиным носом и прицельным взглядом. Подвизгивал толстый Аркашка Спичка с круглыми чертами всех мест лица и тела. Мужественно гоготал Серега Саульский с лицом молодого гладиатора перед убийством врага. Самым русским выглядел я, но моя фамилия уже прозвучала, и смех был так же бессердечен.

Али сжался в комочек и сделался размером с кошку. Он затравленно озирался. Это не литературная фигура и не преувеличение: именно озирался по сторонам, и со всех сторон были мы, и вид он имел именно затравленный.

Это было идиотство, его было жалко, и это было смешно.

– Нет, это не русская фамилия, – сказал Бейдер, захлебываясь клекотом, и хохот прорвался опять.

Видимо, Бейдер, Иоффе и Ачильдиев были избыточно похожи на израильских убийц с арабских плакатов. Али пытался улыбаться, гримаса получалась растерянная, жалкая и льстивая, под тонким слоем каковых чувств ясно проступали изумление, страх, злоба и ненависть. У миловидного мальчика было очень выразительное лицо.

Мы сказали, что ждем его завтра к десяти – и больше никогда не видели.

...Это очень примечательная сцена. Мы не испытывали к нему ни малейших плохих чувств. Напротив – нам было неловко за свое невольное глумление при его полной беспомощности и безответности. Мы не были сионисты – мы плохо представляли, что это такое; но, видимо, учение о превосходстве евреев над всеми прочими; что, может, кому и приятно, но во?первых нехорошо, а во?вторых неправда.

Но. Присутствовавшие. Не агрессивные, не мачо, не супермены. Не националисты. Вдруг и неожиданно ощутили свое превосходство над кем-то другим. Дикая, невозможная ситуация: несколько евреев ощутили свое превосходство над одним маленьким арабом. Кретинское превосходство, по ситуации, и ситуация глупая, и гордиться нечем. И тем не менее. На одну минуту. По ничтожному поводу. В ничтожной форме. Несколько евреев открыто ощутили себя не униженными кем-то – но сами унизили кого-то. Хотя не собирались это делать и в виду не имели.

Чисто психологический экзерсис. Упражнение для подсознания. Ощутить себя – впервые и единственный раз! – не ниже кого угодно по причине своей национальности – а выше.

Удивительное чувство. Представителям большого народа этого не понять.

Автобус

Если тыкать иголкой в болезную точку, она станет привычно незаживающей.

Мелочи быта.

Ленинград. Автобус. Час пик. Толкотня у дверей. Поехали. С передней площадки – пьяный голос:

– Видишь, он еще как! И хоть бы человек! А то – еврей!

Народ молчит. Невидимый пьяный – настаивает и обвиняет:

– Да хоть бы человек! А то – еврей!

Молчание в автобусе застывает и сковывает, как гипс. Надо бы протолкаться и дать ему в рыло. Далеко, тесно. Хоть голос подать, обхамить, оскорбить, заткнуть. Но – тоже скован. Молчишь.

В автобусе общая неловкость. Но. В этой неловкости не чувствуется осуждения. Там, впереди, вокруг него люди, вплотную. И никто слова не скажет.

Тот не понимает:

– Да хоть бы человек! А то – еврей!

Едем.

Не добил

Попав на Конференцию молодых писателей Северо-Запада – был такой слив юных дарований в болото мимо кассы – я познакомился в семинаре с Юрой. На десять лет старше, обтерся в этих играх: давал советы и звал в гости. С бутылкой я приехал к нему во Всеволожск.

Собственный домик, печка, читаю с тоской его рассказы, заготавливаю в голове похвалы; жрать и выпить охота, когда за стол-то.

Приезжают родственники под шестьдесят: дядя с женой. Люди по манерам простые, что называется, и приветливые. Сели, выпили, едим борщ, еще налили.

С чего разговор зашел про евреев – ума не приложу. Никаких поводов. Я сижу за своего. Молчу. Юра тоже молчит, с выражением лица: «И вашим, и нашим». Решает для себя вопрос: черт меня знает, а я часом не еврей?.. Да нет, по всему совершенно же свой, а фамилия – так мало ли в Ленинграде Уклейнов, Ургантов и прочих фон Штернбергов со Штильмарками, седьмая вода на киселе немцев и шведов.

А дядя хлебает борщ и рассуждает к сведению общества:

– Да-а, Гитлера, конечно, уничтожить надо было, и всех их там под корень. Но с евреями он вот правильно поступил, что уничтожал. Жаль вот недоделал это дело, не всех уничтожил...

Сижу я идиот идиотом. Юра тут, сука, хлебосольный хозяин. И проступает у него на роже трепетная любовь ко мне. Любовь эта состоит из сомнения в моей национальной принадлежности и трепета, что сейчас я устрою им семейный погром с политическими обвинениями.

Дядя смотрел на меня крайне доброжелательно и предлагал присоединиться к разговору.

Мысленно я репетировал, как встаю, плюю ему в тарелку с борщом, говорю сильные слова, на стол кидаю последний рубль за угощение и ухожу презирающий и оскорбленный. Но тетя была так добродушна, дядя так искренне расположен ко мне, а Юра с умоляющим лицом так извивался, словно сел на спицу, что я тупо ел борщ, старательно попадая ложкой в рот.

Прощался я от дверей. Юра проводил меня до электрички, как родного.

Радость первой публикации

Я был готов к тому, что меня не будут печатать сразу. Потому что мои рассказы не были похожи на то, что печаталось в журналах. У меня хватит стойкости и веры в себя, чтобы рассылать их хоть год. Я был готов получать поначалу отказы из редакций: два, пять, пятнадцать! А хоть сорок. «Мартин Иден» был настольной книгой молодых советских писателей.

Через два года, после сотого отказа из всех толстых журналов, старик Ромуальдыч заколдобился. Я озверел. На смену озверению пришел цинизм. Так рождаются профессионалы. Шакалы пишущих машинок, гиены издательских планов. Перебрав одну из папок с сюжетами – условно юмористическую – я настругал десяток хохм: написал за месяц десять юморесок, исключительно с расчетом на публикацию. Стандартного годового объема: по две с половиной машинописные страницы. Три дня на штуку: один на писание, два – на отделку. Для меня – халтурная молниеносность. Никакого высокого искусства и художественных открытий. Диверсанты низкого жанра, расходный материал наступления.

Я распечатал их по пять экземпляров и отправил во все места. Вплоть до многотиражных газет.

Мне необходимо было уйти из-под губительного литературного статуса «Его знают, он пишет, но не печатается». Каждый день работал против меня, утверждая в положении обреченного маргинала: таких редакторы не воспринимают всерьез.

И хохмы выстрелили! Все! Я мог теперь с достоинством писать в сопроводительных справках: «Печатается в газетах».

И первой газетой была ленинградская областная молодежка «Смена», где отделом юмора заведовал к тому времени мой однокашник Аркашка Спичка, мы дружили с факультета.

Он напечатал мою хохму в ближайшем воскресном номере. А подпись под ней стояла такая: «В. Михайлов».

Я испытал истинно амбивалентное чувство. Напечатали. М. Веллер, получите: это – вам.

Блять! Совсем не то обещал мне ярл, когда звал в викинг.

– Аркашка, – спросил я, в понедельник явившись в редакцию, – на хера ты это сделал? Ты чего? Ты зачем? Это что?

Аркашка покраснел, засуетился за столом и стал крутить телефон.

– Я сейчас узнаю, – повторял он. – Это не я. Это дежурный редактор. Кто там был? Или зам ответсекра. В типографии, скорее всего, перепутали.

Все было понятно. На полосе и так стояла пара еврейских фамилий. И редактор полосы еврей. Перебор. Он заменил простейшим способом. С чужим надо еще договариваться, чтоб не возник. А с другом проще: свой.

Любой писатель знает это чувство: первая публикация! Ну так у меня оно тоже было осложнено еврейским вопросом.

Псевдоним

Семинар молодых фантастов Бориса Стругацкого я посещал три сезона, и как обозначение некоторой избранности был несколько раз приглашаем в гости. На маленькой кухне двухкомнатной хрущевки Стругацкий варил кофе в медной джезве, с парой зернышек перца, сахаром и кардамоном, мы курили, и он задавал направление разговора. Он был, как раньше сказали бы, дьявольски умен, все суждения развивались от провокационных поощрительных посылов, выводы многослойны и без осязаемого дна.

– Миша, – сказал Стругацкий, – вы пришли в семинар с готовыми вещами, конечно выше среднего уровня публикаций. Но за те два года, что мы знакомы, сдвигов в публикации ваших рассказов, к сожалению, нет. Проломить эту стену сейчас молодому писателю, конечно, очень трудно. На то, как мы знаем, много причин. И здесь писателю иногда следует быть прагматиком и даже циником. Просто такова литературная кухня. Или, если хотите, помойка. Вы не думали о том, чтобы взять псевдоним?

Воздух в кухне хлопнул, как выбиваемый коврик. Я не думал об этом ни одной секунды. Никогда. Этого варианта не существовало. Только последняя мразь

отказывается от фамилии отца.

И это Борис Натанович Стругацкий. С его носом, с его темными мудрыми глазками – ехидными, сочувствующими, насмешливыми и печальными, с каким-то смиренно-высокомерным выражением они смотрели на все. И это он – он! Натанович! – предлагает мне брать псевдоним. Господи, ведь из добра предлагает!.. Прекрасно зная, с каким почтением и любовью я к нему отношусь.

Ёбаная жизнь.

– Я ни в коем случае вам ничего не предлагаю, – успокоительно, мирно сказал Стругацкий, естественно поняв, что там у меня в голове. Да поди на роже все отразилось. – Это совершенно обычная в литературе вещь, как вы знаете. У нас в писательской организации таких едва ли не четверть, наверное. Обычный способ иногда чуть уменьшить некоторые несправедливости нашей жизни. Просто вы подумайте, Миша.

Смерть под псевдонимом

Есть много анекдотов на ту тему, что настоящая фамилия Ломоносова была Ораниенбаум. Революция сделала из Бронштейнов, Цедербаумов и Розенфельдов Троцкого, Мартова и Каменева – так до Иегуды-Ягоды и далее к послевоенным космополитам. Светлов – Шейнкман, Утесов – Вайсбейн, Каверин – Зильбер, Ильф – Файнзильберг. Список длиннее Волги.

Если в первые пятнадцать лет советской власти граждане меняли еврейские фамилии на русские из искренней ассимиляции в великой социалистической стране полного равенства и атеизма, «быть как все», – то после сталинской борьбы с космополитами, сионистами и врачами-вредителями евреи категорически не стремились размахивать своей национальностью. Не надо выделяться. Ничем. Ивановым быть лучше, чем Рабиновичем.

В одном гарнизоне в Забайкалье жил в соседнем ДОСе Саша Петровский, так фамилия его папы была Перельман. У Василия Аксенова отец и был Аксенов, а мать Гинзбург, все правильно. Э, это все описано-переописано.

Интереснее. Обнаружилось в 1970–80-е годы. Люди, пережившие послевоенные черносотенные кампании и зная о препонах продвижению евреев повсеместно, своим детям при дальнейшей советской власти устраивали в пятой графе национальность «русский» любыми ухищрениями. Или «украинец», «белорус» – не важно; годилось и «армянин», «грузин», «узбек». Только не еврей.

И следовала такая комбинация. Папа – еврей. А мама – полукровка. Причем с еврейской фамилией по своему отцу. Если мама была записана русской – она просто меняет фамилию с еврейской отцовской на русскую материнскую. Если же в паспорте значилась еврейкой – то меняет на материнские и национальность, и фамилию. После чего ребенок записывается на русскую фамилию с русской национальностью по маме – а на самом по одной из бабушек: на три четверти он еврей. Официально может значиться украинцем, армянином и т. д.

Некоторые из таких «скрытых евреев» – чистые мараны: по воззрениям, симпатиям, кругу общения и прочее. Другие – ассимилянты. Третьи же стараются всячески дистанцироваться от всего еврейского, испытывая болезненные уколы самолюбия, если сталкиваются с антисемитизмом в свой адрес.

Национальная страсть

С годами у советских евреев вырабатывалась страсть, в сущности свойственная любому народу: среди героев и знаменитостей выискивать своих. Но у евреев она подогревалась государственным сокрытием «лиц еврейской национальности» во всех сферах: от науки и искусства до политики и истории. Официально легитимных евреев было пять-шесть от силы: Левитан-художник и Левитан-диктор, композитор Рубинштейн, один из главных в ленинском правительстве Свердлов, писатель Эренбург, ну и уже рейтингом ниже физик Ландау и политическая проститутка Троцкий.

Был еще ряд канонизированный, святцы гениев такого масштаба, что лишались национальных признаков: Маркс, Фрейд, Эйнштейн.

А далее акцентировали внимание на знаменитостях, чья национальность целенаправленно обходилась властью: Дважды Герой генерал Драгунский, Маршак, Элина Быстрицкая, Валентин Гафт, Татьяна Лиознова, Валентин Зорин,

Агния Барто.

Знание настоящих фамилий, скрытых под громкими псевдонимами, воспринималось как признак вольномыслия и компетентности: Саша Черный – Гликберг, Александр Володин – Лифшиц, Давид Самойлов – Кауфман, Григорий Бакланов – Фридман.

Отыскивали еврейское происхождение под фамилиями настоящими и совершенно нетипичными: герой Малой Земли майор Цезарь Куников, Герой Советского Союза подводник Владимир Коновалов, авиаконструктор Лавочкин, физик академик Халатников.

И на волне национальной гордости приписывали еврейство людям в нем неповинным – по сходству лица или фамилии: кинорежиссеру Сергею Эйзенштейну, немцу, или Чарли Чаплину, англичанину.

Еврейская взаимопомощь: свои и чужие

Есть такая легенда, что еврей, пробравшись на какое-либо престижное и выгодное место, тянет туда же «своих», то есть тоже евреев. Такая взаимопомощь и взаимовыручка. Поэтому везде наверху такой непропорционально большой процент евреев.

Этот лестный для еврейской солидарности трафарет не имел ничего общего с советской реальностью. Напротив. После того, как в предвоенные, а затем и в послевоенные годы от евреев постарались очистить не только все руководящие органы, но и НКВД-МГБ, включая разведку, которую в основном евреи и создали. После закрытой инструкции Щербакова, начальника ГлавПолитУправления Красной Армии, в 1943: награждения и повышения военнослужащих-евреев притормаживать. После закрытых же нововведений 1968 г. – «Три “Не”». Образовался сам собой негласный, нигде никак не оформленный, конкретно не прописанный, лимит на количество евреев в любой организации.

Если где-то есть один – ладно: это еще и пример интернационализма как опровержение вражеской клеветы. Если на большой коллектив несколько, чтоб в глаза не бросалось – куда ж денешься. Но если группа инородцев уже заметна,

если больше нескольких процентов – это категорически не одобрялось, ни отделом кадров, каковой был филиалом КГБ, ни начальством, ни высшим руководством. Что это у вас там за сионистское гнездо, товарищи? Надо бы обратить внимание, оздоровить кадровый состав. То есть выкинуть хоть часть жидов вон.

Среди евреев начал действовать закон трамвая: я уже зашел, закройте быстро двери, чтоб следом толпа не давила. Пока я в конторе один – ладно: и работать можно, и поощрить могут, и повышение не исключено. Но! Придут еще, и начальство кого-то придержит, или вообще уволит – могу лично я залететь. Нет-нет, тут и меня хватит, больше евреев не нужно.

То есть. Именно евреи старались не принимать на работу евреев, не приводить, не рекомендовать. (Оборонная наука и промышленность бывала исключением – здесь требовали мозги и результат, плюя на все прочее.) Чтоб не дай бог не заподозрили в кумовстве, еврейском национализме и сионистских симпатиях.

Это касалось и меня лично. Старший редактор прозы «Невы» Лурье никогда меня так и не напечатал, даже когда рассказы через его голову были переданы главному редактору Борису Никольскому и назначены к печати. Лурье и тогда возразил, что впереди в очереди тридцать девять рассказов, и надо подождать года два. В номер меня поставил Коля Коняев, когда Лурье отсутствовал в «творческом отпуске».

Аналогично в «Звезде» у меня никогда не принимал рукописи к публикации завпроездой еврей Смолян – и напечатал сменивший его русский Миша Панин.

На излете семидесятых, в итоге Конференции молодых писателей Северо-Запада мне, «отмеченному и поощренному» руководством и ажно ленинградской прессой, ведшие наш семинар Брандис, Стругацкий и Браун не выписали даже вшивой «рекомендации для публикации в печати»; а на всякий случай, некорректно: три еврея рекомендуют четвертого.

Самые грязные и подлые критики, с которыми мне случилось соприкоснуться, все трое были евреями.

Это прекрасно лечит от слюнявого сентиментального идеализма о «национальной солидарности униженных и оскорбленных». Сначала

недоумеваешь, потом задыхаешься от негодования, и след остается – горькое презрение. Рабство рождает рабов. Подлость рождает подлецов.

И как вставать в такие ряды? Сука, ни сесть ни лечь. Упал – отжался.

Внутривидовая борьба

Я выделю эту нехитрую мысль. А то не всем понятно. А она важна.

Когда евреев в какой-то приличной, престижной и денежной области деятельности становилось заметно много. И их проникновение туда ограничивали, а пребывание сокращали. То конкурс на место делался двухступенчатым.

Во-первых, еврей должен был так или иначе предъявить свои преимущества перед не еврейским кандидатом на это место. Как более высокий уровень способностей и профессионализма – так и, если он сумеет и это поможет, задействовать связи, покровительство и разного рода услуги.

Но во-вторых! – еврей должен победить, нейтрализовать, вытолкнуть, ликвидировать, не подпустить, скомпрометировать, любым способом обойти – другого или других евреев, претендующих на то же место. Другие евреи тут – лишние, опасные, мешают, из-за них превышает негласно допустимая национальная квота. И конкуренция между своими гораздо более жестока и подла.

На своих рассчитывать не приходилось. Своих надо опасаться больше чужих.

Сделавший большую карьеру в Советском Союзе еврей – это крысиный король среди соплеменников. К евреям он особенно нетерпим. Он оберегает чистоту своей площадки.

Но там, где требовались реальные таланты – наука, искусство, оборонка, – пробившиеся через двойной фильтр еврейские головы были материалом отборным.

Фашистская Эстония

Единственным, кто мне помог – и очень сильно, поддержал, покровительствовал, поселил на первых порах в своей квартире и ходил ходатайствовать за меня в издательство и Союз писателей – был эстонец Тээт Каллас. По его приглашению, объяснению и рекомендации я переехал из Ленинграда в Таллин. Тээт переводил меня на эстонский, упоминал в статьях и рекламировал коллегам. Я был ему никто. Однажды он прочел мои рассказы.

Таллинский Дом Печати в то время был местом интересным. В трех русских газетах трудились: Цион, Малкиэль, Рогинский, Скульская, Аграновская, Левин, Альперович... много. Приехали все из трех мест: Киев, Ташкент, Ленинград. Там их не приветствовали и для евреев мест в журналистике не обнаруживалось.

Положение евреев в Эстонии было примечательно. Таллинскими русскими они воспринимались как свои: люди родного русского языка, культуры и ментальности. Так же отличавшие себя от эстонцев, людей иных. Культурно-политическая наша ниша. Вторичное по отношению к коренному, титульному народу место. А ведь мы – люди великой и главной России.

Эстонцы же отчасти сочувствовали евреям как соседям по несчастью: вы тоже угнетены этими русскими, вас тоже унижают и ограничивают права. У нас нет независимости, своего государства, мы вынуждены кланяться Москве и подчиняться, республикой руководят вторые (русские) секретари. Вас не пускают на хорошие должности, запрещают изучать свой язык, поливают помоями Израиль, разжигая неприязнь к вам.

Эстония оказалась первым местом в моей жизни, где на уровне неофициального человеческого отношения скорее уж приветствовали евреев, нежели русских. (Позднее я узнал, что во время войны немногочисленная еврейская община была ликвидирована полностью, и Розенберг лично прилетал поздравить Эстонию со статусом «юденфрай». Но – это был другой вопрос, другая эпоха, и законы другие, и порядки: другое измерение.)

Что же касается еврейской взаимопомощи, то видный «русский писатель Эстонии» написал на меня донос в КГБ: живет на неизвестные доходы, уехал из Ленинграда из-за проблем с властями, советскими печатными органами не публикуется, имеет связи с Западом.

Другая коллега той же национальности, когда через четыре года (!) у меня вышла книга «Хочу быть дворником», сорвалась в истерику: да как я смею такое писать, это пренебрежение к читателю!.. Она сама хотела быть тут «главным русским литератором нашего поколения» – на хрен ей этот свалившийся невесть откуда я, о котором говорят! да вдобавок замусоривший место еврея в русской секции – там стариков и так половина евреев, а молодых и ее одной хватит. Творческие люди особенно ревнивы... ну, и завистливы.

«Иерихон»

Много лет я мечтал издавать себя сам. Согласен даже на цензуру, но не надо редакторов и планов – бумагу и типографию найду сам как угодно.

И вот к 1988 году в либеральной (и подспудно всегда антисоветской) Эстонии возникло первое в СССР этническое культурное общество. Разумеется, это было Общество еврейской культуры Эстонии. Автора гениальной идеи я так и не знаю, но десяток инициаторов обнаружилось мгновенно.

Это ничтожное в масштабах Перестройки событие – означало, однако, акт легитимации евреев как нормальной и полноправной... национальности? этнической группы? народа?..

Я понятия не имел об еврейской культуре. Вот об евреях в русской советской культуре – это совсем другое дело. Но идею имел.

На разрешенных кооперативных основах стремительно проклевывался издательский бизнес и сулил горы золотых монет с деревьев Поля чудес в Стране Дураков. Но. Издательство как таковое кооператорам еще не разрешено. С какого конца братья? А откуда деньги, бумага и прочее?

Я предъявил еврейскому обществу, которое на том этапе состояло сплошь из дюжины человек руководства, гениальный план славы и обогащения. Надо издавать литературный журнал, который на деле будет еще и публицистический. Спрос обеспечен: в то время рынок глотал любые тиражи, миллионами.

Надо только достать бумагу. Типография напечатает в долг за договорную цену (от полутора до трех государственных расценок). Весь тираж сдаем оптовику сразу – знакомый в Москве есть. Он платит по факту получения, три дня телеграфный перевод, и с этих денег расплачиваемся за бумагу и типографию.

Остальная прибыль идет Обществу. На жизнь и культуру. Вот калькуляция. Вот цены, вот сроки, вот варианты тиражей. А это – содержание первого номера. Никому никаких гонораров – Конвенцию по авторским правам СССР не подписывал.

Что требуется? Марка «Общество еврейской культуры Эстонии». Оно входит в Культурный Фонд Эстонии, который утвержден ЦК Компартии Эстонии и им курируется. Виза «Ээсти Куультури фонд» – это разрешение на печать.

Все мигом сообразили, что им принесли дармовые деньги, и единогласно утвердили меня главным редактором журнала.

Батюшки-светы! Национальность впервые в жизни запахла привилегиями! Вот так штука.

...Дальше было смешно. Автоматически включились шестеренки еврейского бизнеса. Об этом бизнесе прекрасно писал Шолом-Алейхем – в главах про предпринимателя мальчика Пиню, которого опасались, как чумы.

Первым делом они решили поставки бумаги возложить на братскую и старшую Еврейскую Общину Финляндии. Зачем? Под это дело можно на казенный счет ездить в Хельсинки и жить там несколько дней в отеле. Раза три-четыре в год. Для координации действий.

Вот так невыездной я в одни сутки получил синий служебный загранпаспорт! И в сорок лет впервые посетил за границу! Финляндию! Без группы, без стукачей, втроем с председателем Общества и зампредседателем Культурфонда. Это отдельная песня.

Вторым делом финские товарищи решили поставить еврейскую культурную инициативу на деловую основу. Они поселили нас в пятизвездном отеле. Выдали на три дня по пятьсот марок (это сто баксов) «командировочных», зная советскую нищету. И составили бизнес-план: братская Еврейская Община Нью-

Йорка, у которой, как все знают, денег куры не клюют, будет финским сельтсемеесет жертвовать деньги на еврейский журнал для обретающей еврейское самосознание оккупированной Эстонии. Не много: примерно один миллион долларов в год. Они ведь там в Нью-Йорке тоже что-то себе отщипывают от всех пожертвований – ставки в своем аппарате, поездки, суточные, гостиницы. Им это даже выгодно.

Ну, а финским благотворителям тоже что-то перепадет. Эти деньги пойдут одному члену правления общины, у него своя маленькая бумажная фабрика, и он будет посылать к нам в Эстонию бумагу. Паромом. В порт.

Я не стал ломать хорошим людям планы. В самом деле, чужих денег не жалко. Особенно денег акул Уолл-Стрита любой национальности. Пусть бедный финно-еврей заработает свою копейку. А я буду раз в квартал на халяву кататься в Хельсинки. Жрать фантастические бифштексы в «Рамада-Президенте» и неопикуемые пироги в заведении на скалистом берегу и с пианистом за белым роялем под пальмой.

По возвращении в Таллин председатель Общества радостно потер руки и обратился к правлению:

– Ну, давайте думать, как мы будем жить еврейской жизнью!

Они подумали и вскоре все свалили в Израиль или США. Там жить. Еврейской жизнью или какой другой.

...Денег жадные евреи Нью-Йорка не дали. Через полгода из Финляндии приплыли двадцать четыре тонны бумаги в ролях (рулонах). Не того размера. 80 сантиметров. У нас такого стандарта вообще нет.

Типография ругалась. Переналаживать линию. Отходы от обрезки были огромные. Я проклял этих гешефтеров. Но номер раскупили, и прибыль была!

Это был единственный номер первого в СССР еврейского журнала «Иерихон».

Сохнут

1990-й год, Большая Алия валит в Израиль, в Прибалтику прибыл уполномоченный Сохнута, и вот он посетил Таллин. Большой зал, за кафедрой немолодой мужчина: худое лицо, остатки редких волос, нахальные манеры, истеричные интонации. Поучает и стыдит в жанре нотации с претензиями. Почему вы еще здесь? Кто вы вообще такие? Послушайте иврит, послушайте, вам полезно! Я скажу, когда можно задавать вопросы. Вам должно быть стыдно, что вы еще не в Израиле! Возникшие сильные чувства сдерживались с трудом, особенно возмущение.

Потом был перерыв, курили у окна в коридоре, и я сказал этому посланцу Святой Земли про манеры, вызывающие желание пинком вернуть его на родину, и про деньги американских евреев, на которые он разъезжает по миру и имеет наглость хамить тем, кто его принимает.

Сохнутовец сделался тих, печален, миролюбив, вспомнил про Аушвиц, в котором он уцелел ребенком, и здоровья уже нет, а вот он все ездит, делает что может.

С благодарностью и уважением я заподозрил вслух, что если он здесь так выступает, то можно представить, как они обращаются с приезжающими, простите, репатриантами, когда те попадают под их власть в Израиле.

Я не собирался уезжать ни тогда, ни раньше, и все равно мероприятие оставило по себе неприятный осадок.

Брат

Мне исполнилось семнадцать в 1965 году, а брату – в 1973. А это принципиальная разница. Он с ранних лет не питал иллюзий и симпатий насчет Советской Власти. Он хотел свободу, видеть мир и хорошие машины. И заниматься медициной не на советском уровне. В тридцать три года он улетел из Шереметьево – в единственных джинсах и замшевой куртке, с единственным полупустым чемоданом. Таможенники выразили одобрительное изумление.

Через год он встречал меня в Израиле. Старенький деревянный аэровокзал в Бен-Гурион напоминал сибирский областной. Вода и пиво оказались по одной цене! И +38? Цельсия – при хорошей влажности: август.

Я ощущал дрожь и вынос мозга при мысли о двух вещах: Средиземное море и Стена Плача. Когда открылось синее пространство за окном автобуса, я потерял самообладание, и от тахана-мерказит в Хайфе пешком, как сомнамбула, устремился через пустыри к воде, разделся дрожащими руками и изрезал ноги о камни, забираясь в волны. Мне было сорок два года. Сорок из них я твердо знал, что никогда в жизни не увижу Средиземного моря – оно было мифом из иностранной жизни в другом измерении. Брат стоял на солнцепеке и смотрел сочувственно.

Брат снимал в Цфате крошечную квартирку, учил в ульпане иврит и готовился подтверждать свою кардиологию. В воскресенье мы поехали в Ерушалаим. Пошли в Старый Город. Я увидел Стену Плача.

Струился нереальный пейзаж. Это уцелевшая стена Храма. Ее видели римляне, ассирийцы, персы. Понтий Пилат, Навуходоносор и Кир. Здесь молились царь Соломон и царь Давид.

Я имею к этому отношение. Здесь жили, работали и сражались предки моих предков. Здесь произнесли впервые, оглядываясь на пожары: «Да отсохнет моя правая рука, если я забуду тебя, Иерусалим!»

Свой своему

Еврей, впервые приезжающий в Израиль, испытывает предварительное чувство всеохватного братства, в которое он сейчас погрузится. Это страна, где все – евреи. Какая бы то ни было готовность к национальному ущемлению исчезает абсолютно. Напротив – здесь все свои. В прошлой жизни так или иначе униженные и оскорбленные, клейменные, неполноценные. Наступает блаженная и благородная компенсация. Здесь мы все уважаем и ценим друг друга, поддерживаем и помогаем, отлично понимаем и сочувствуем, радуемся успеху соседа. Мы в своем государстве, в своем праве и достоинстве – наконец-то.

Вот вам фи́га. Большая и смачная.

Среди людей нормальных, среди людей приветливых – вдруг нарвешься на грубость, а случаем на хамство – это может неожиданно и на твой взгляд без повода вспыхнуть при таможенном контроле, на рынке, в автобусе. Израильтяне

встречаются резки и громкоголосы. Такое редко – но действует сильно. Как?! Здесь?! Меня?! Почему?..

Потом начинаешь различать. Таксист случается хам редкий, но практически всегда это арабы, наглые и агрессивные, если дело касается их удобства и их денег. Евреев различают по странам исхода. Румын презируют за жадность и ложь. Марокканцев – за дикость. К русским отношение неоднозначное: они работящи и образованны – но хотят высоко влезть, а прибыли на готовое. За высший сорт идут американцы и немцы: богаты, высококультурны и сознают свое превосходство.

Адвокаты наивероятнее – эталонно бездушные вымогатели.

Будь готов, что назначенное время встречи или сделки ничего не значит. Не всегда! Но заказанную покупку тебе пообещают привезти завтра в час, раздражаются на вопрос послезавтра в шесть, через три дня ответят, что тебя не было дома, и вдруг привезут через неделю в неожиданный момент. А могут вообще не привезти. Могут потерять. А могут кинуть.

Первое время эти подробности соединения со своим народом шокируют, и вмятину оставляют глубокую. Ты уже было сентиментально расслабился среди сплошных родных доброжелателей – и вдруг, как от укола, собрался вновь, прикрыл ранимое нутро, вернулся в нормальную жизнь, где никто не собирается баюкать тебя режимом наибольшего благоприятствования.

Израильтянин относится к этому спокойно, даже если грозно орет.

Восточная страна – с народом после европейской прокрутки.

Сабры – коренные – то есть израильтяне, родившиеся здесь, иные в третьем-пятом поколении: не европейцы. «Сабра» – плод съедобного кактуса: колючий и жесткий снаружи, мягкий и сладкий внутри. Все самоназвания лестны: зато у нас чудесная душа.

В Израиле все – евреи: каждый думает, что это он схватил Бога за яйца. Там часто так говорят.

Жан

Южнее Мертвого моря, на краю пустыни Негев, есть кибуц. Один из многих. Там выращивали овощи: большая картофельная плантация, помидоры, морковь, кабачки. Жили, естественно, семьями; гастарбайтеров еще не было.

В субботу после завтрака мы сидели с троюродным братом, бывшим ленинградцем же, у бассейна. Бассейн был знатный: метров тридцать, изогнутый, в голубом кафеле, с вышкой над глубокой стороной. Дети плескались, народ пил пиво под пальмами.

– Хочешь, я познакомлю тебя с Жаном? – спросил троюродный. – Тебе будет интересно.

Он подошел к седому старику, отдохавшему в шезлонге неподалеку, стал говорить, указывая на меня. Потом подозвал.

В 1942 году их семью, французских евреев, арестовали и, набив заключенными автобус, повезли в концлагерь Дранси, под Парижем. Жану было четырнадцать и он, худой и мелкий, на повороте протиснулся в открытую для воздуха узкую форточку, вывалился в кустарник и откатился. Днями он скрывался в зарослях, канавах, заброшенных постройках, а по ночам воровал яблоки в садах и шел на юг. Он хотел пересечь Пиренеи и уйти в Испанию: она не выдавала.

Осенью, на полпути в Испанию, он добрался до Лимузена. И отсыпаясь днем подальше от дороги, в кустах на склоне горы, услышал говор и шаги. Так он наткнулся на маки.

Он сменил план, решил мстить и упросил взять его в отряд. Дежурил по лагерю, собирал хворост для костра, чистил посуду. Несколько раз его брали на операцию: группа минировала дорогу, он стоял в дозоре. Стрелять довелось пару раз, и не знает, попал ли.

В 44-м союзники освободили Францию. Дома Жан узнал, что всю семью вместе с остальными евреями немцы отправили в Освенцим.

Редкие уцелевшие евреи передавали вести о переселении в Палестину: англичане обещают позволить евреям создать Израиль как государство, ведь Декларации Бальфура уже почти тридцать лет. Оставшийся один на свете шестнадцатилетний Жан понял, что поедет в Израиль.

Но англичане не пускали туда евреев. Репатриация была жестко лимитирована ничтожной цифрой. Политика, арабы, нефть, деньги, влияние на Ближнем Востоке... Евреев перехватывали по дороге, суда не выпускали из портов, дошедшим запрещали выгружать пассажиров.

Контрабандисты высадили Жана с катера, вместе с десятком таких же юнцов, ночью на пустом берегу. У репатриантов было полсотни долларов, двадцать фунтов и на пару дней еды. Утром они пришли в городок и объяснились на идише, на нем тут, естественно, говорили все: вернулись на родину предков, Эрец-Исраэль.

Одного взяли в Хагану. Еще одного, механика – в гараж. Работавшего на стройке отправили в какую-то строительную бригаду. Жан не умел ничего. Но стрелять умел. Его отправили в Негев. В организуемый киббуц. Через месяц он отметил там свое семнадцатилетие.

Киббуц был – одиннадцать человек в палатке на голом месте. Десять пахали землю, одиннадцатый с винтовкой дежурил на ржавом остоле английского броневика. Остальные десять винтовок стояли прислоненные рядом. По сигналу тревоги все бежали к ним. К нападению арабов были готовы всегда. Раз в неделю им привозили воду и еду.

Все были молоды и самоуверенны, опыта не хватало, агроном был самоучка, они попробовали в самом начале весенних дождей сеять пшеницу, сеяли засухоустойчивую неприхотливую кукурузу, пролетали, жили впроголодь. Людей делалось больше, стали выращивать картошку, продавали, начали появляться деньги, строили после работы самые маленькие простые дома.

Приезжали люди, женились, рожали детей, дети росли, учились, шли работать. Вот и все. Так и прошло пятьдесят лет.

Жан обвел рукой вокруг и стал указывать. Вот это детский сад и ясли. Это школа. Это – синагога и наш культурный центр. Это – столовая. Магазин.

Медпункт. Там – склады. Рядом – маленький консервный завод: овощные консервы. Дороги – видишь, какие. Деревья. А был голый песок.

...Первый и последний раз в жизни я видел Пионера. Он пришел сюда юнцом на голую землю, и возделывал ее, не расставаясь с винтовкой. Охранял свою землю, своих братьев и свой труд от врагов. И вот он состарился. Жизнь прожита. Седой старик отдыхает в цветущем саду, кругом дома и поля, играют дети, переговариваются в тени взрослые, блестят машины и застыла зелень пальм над черепичными крышами. И маленькая стела – своим погибшим в войнах за Израиль.

Вот что такое Израиль – его спрессованная новейшая история. Дай Б?г каждому так увидеть, на что потрачена и во что воплощена жизнь.

Солдаты

Солдаты в Израиле везде: в кафе и на улицах, в автобусах и каньонах (в России они называются торговый центр). С оружием, обычно М16, их носят за спиной стволом вниз; отомкнутый магазин заряжен и закреплен сбоку приемника в гнезде или просто прижат резинкой. Берет под погоном – солдат не на службе.

Форма образца шестидесятого примерно года: однотонный зеленый цвет, плотная ткань, большие накладные карманы, рубаха в штаны под широким ремнем. Никаких комбезов, камуфляжей, свободных курток. Не то экономия, не то смысла не видят в военной моде: на эффективности действий это не сказывается. Армия – ЦАХАЛ – Силы Оборона Израила – существует исключительно ради военных действий, любая показуха излишня.

Наград здесь нет. Не принято. Есть только три медали, за всю историю во всей стране было награжденных 800 человек. За это время в войнах погибло 20 000 бойцов, 75 000 было ранено, многие тысячи остались инвалидами. Пример: Цви Грингольд не выходил из боя несколько суток, сменил четыре подбитых танка, обгорел, был контужен, уничтожил 50 танков врага, удержал важнейший участок фронта. Награда – медаль «За героизм».

К солдатам все относятся с симпатией и подобающей долей уважения: через армию прошли все, армия необходима.

Мальчишки служат три года, девочки – два. В боевые части их (тогда) не брали – но инструкторами во всех учебках девчонок было полно: и гоняли мальчишек, и учили владеть техникой.

Каждый второй шабат – с конца дня пятницы до вечера субботы – солдат отпускают в увольнение домой. Матери стирают белые футболки.

Как-то в автобус входят три солдата: типичный смуглый сабра, второй – типичный рязанский Ваня голубоглазый-курносый, и третий – типичный негр. Такая страна. Все – евреи, солдаты Израиля.

Я упоминаю эти общеизвестные детали только чтобы передать впечатления человека, попавшего в Израиль впервые – и ощущающего прирастания эмоций и смыслов своего существа через причастность к еврейской стране, причастность историческую, генетическую, эмоциональную.

И одновременно возникает и проявляется чувство некоего стыда и позорности: ты не поднимал здесь страну на голой пустыне, не воевал за нее, не противостоишь целому миру, ты даже сейчас не живешь в ней, не разделяешь ее судьбу, ее опасности и риски.

И становится яснее и отчетливее гордость за эту страну – Эрец Исраэль, Израиль – которой хватает мужества, таланта и сил возродиться и жить, побеждать в войнах, растить сады и создавать современную промышленность.

Три танкистки

Для понятности:

Был выпуск из танковой учебки, а на него пускают родителей. И одна знакомая знакомого, русская же, в смысле из Советского Союза, протащила меня с собой – как папу, в смысле своего мужа. Посмотреть. Документов у меня не спросили.

Рядом с частью танкодром, и командование устраивает выпускную сдачу вождения. И танки – «СуперШерман», «Меркава 1» и «Меркава 2» – по одному проходили дистанцию: неслись по пыли, прыгали с горки, вползали на эскарп, преодолевали траншею и ползли по узенькому мостику. Потом наблюдатель

объявлял время и очки, зрители аплодировали, и экипажи менялись.

Среди наблюдателей был приглашенный американский генерал. В это время Израиль решал: купить у США «Абрамсы» или выпускать свой «Меркава 3». И два этих «Абрамса» были видны в ряду танков в парке. Их тут испытывали и обкатывали для местных условий.

И генерал попросил командира учебки показать, как они владеют «Абрамсами», а то что ж стоят.

Минут через пять, дистанция освободилась, вылетел из парка «Абрамс». Он пер, как пришпоренный. Хвост пыли до неба, с горки слетел так, что земля вздрогнула, вскарабкался и запрыгнул на эскарп, через мост рванул не сбавляя, юзом вошел в вираж – и у финиша осадил, ткнулся вперед на вставших гусеницах.

Генерал одобрительно покивал, улыбнулся и выразил желание поблагодарить экипаж. Командир приказал в микрофон.

Танк, шестьдесят тонн горячей брони, тихо свистя турбиной пополз и встал без пыли перед начальством. Люки открылись, и на песок спрыгнули три веселые девочки, шпингалетки по полтора метра. Они подбежали, вытянулись и отдали честь.

Слушайте, генерал заплакал.

Память и благодарность

Только в Израиле День Победы отмечался 9 Мая. Не 8, как на всем Западе. Ветераны надевали награды и выходили на улицы. И были тех ветеранов многие десятки тысяч. Им дарили цветы, с ними шли семьи. Такие парады проходили во всех городах, и колонны несли советские и израильские знамена. Звучало «Прощание славянки» и «Ярость благородная». Встречи и объятия, воспоминания и слезы, выпивка после окончания.

Советская Родина лишала их гражданства, называла предателями, приказывала сдать награды. Ордена вывозились украдкой, мимо закона.

Это их Советская Родина клеймила врагами и отщепенцами. Это их стремились уничтожить «наши арабские друзья». Друг Гитлера муфтий Иерусалима. Уничтоживший всю компартию Египта Гамаль Абдель Насер. Милые арабские лидеры, спецслужбы которым создали после 2-й Мировой специалисты из Гестапо и СС, тысячами бежавшие на Ближний Восток и нашедшие там себе применение.

Это для уничтожения ветеранов Войны и их семей Советский Союз привез арабам тысячи танков, самолеты и зенитные комплексы, миллионы автоматов, мины и артиллерию. Для их уничтожения были посланы советские летчики и ракетчики, инструкторы и минеры.

Что плохого видела Россия от Израиля? И что хорошего – от Сирии, Египта, Иордании и Ирака? Такая любовь.

Гиват Шауль

Для моих родителей вопрос отъезда из СССР никогда не стоял. Они родились в 1925 году, были пионерами и комсомольцами, отец надел погоны в 1942 и снял в 1976, – они были советские люди.

В 1991 советская власть кончилась. Кончился Советский Союз, и кончилась КПСС, а в партию отец вступил в 1944. Белоруссия, где он, ленинградец, закончил службу и вышел в запас, стала независимой страной. Как-то на их дверях нарисовали свастику. Это повторилось.

В семьдесят отец заболел раком. И тогда они уехали в Израиль. Лечиться. Уехали поздно.

После его смерти мать осталась там. И в свой срок ушла к нему.

Они лежат на кладбище Гиват Шауль. На Хар ха-Менухот – Горе Упокоения, над Иерусалимом. Их могилы на самом краю террасы, в головах бросает короткую тень кипарис, а впереди и внизу, на западе, простор и выжженные холмы.

Раз в несколько лет, бывая в Израиле, я приезжаю туда. И делаю все, что делают дети на могилах родителей. И по древнему обычаю пустыни кладу камушки в знак свидания. Но не по одному за себя, а от всех родных, что еще остались.

Никто никогда и подумать не мог, что так сложится. Теперь здесь.

Ион Деген

Когда мы познакомились, ему было уже хорошо за восемьдесят.

Ион Деген после отъезда в Израиль был вычеркнут и забыт в СССР. О нем, ветеране войны, танковом асе и авторе знаменитых стихов, вспомнили через треть века, в 2010-х. Евтушенко, составляя свою беспрецедентную по охвату и подробности «Антологию русской поэзии» в пяти томах, нашел адрес и приехал к автору легендарных строк «Мой товарищ, в смертельной агонии не зови понапрасну друзей...».

В июле 1941 шестнадцатилетний Ион Деген, вчерашний девятиклассник, становится бойцом истребительного батальона, потом командиром взвода и роты ополчения, потом от роты остается два человека. Не раз тяжело ранен, был стрелком, разведчиком, командиром отделения разведки, танкистом, командиром танка, танкового взвода, командиром танковой роты. Уничтожил 12 танков и четыре самоходки немцев: «Тигр», «Пантеры», «Фердинанд». Дважды представлен к Герою Советского Союза – не получил из-за крутизны характера в отношениях с политорганами. Комиссован по инвалидности после тяжелейшего ранения весной 1945.

Врач, хирург, доктор медицинских наук. Впервые в стране пришел пациенту отрезанную станком кисть руки.

Уехал в 1977 по причине удушающего антисемитизма и невозможности работать по своему уровню и без унижений.

В интервью со мной плакал, вспоминая погибших боевых друзей.

Для меня было честью собрать и продвинуть в крупнейшем издательстве России его книгу «Война никогда не кончается». Единственный большой тираж в его

ЖИЗНИ.

Изя

Еврей, война и судьба – интересная тема. Богатая.

Дядька, брат матери, громоздкостью и шерстистостью напоминал медведя. С маленькими обманчиво-добрыми глазками и широкой улыбкой, чреватой мгновенным оскалом.

В 41 он окончил десятилетку, был мгновенно мобилизован и по грамотности отправлен на лейтенантские курсы. Рослый, здоровенный, со знанием немецкого (в советском школьном объеме) в дивизии был определен в разведку. Воевал командиром взвода и роты дивизионной разведки. Ранен в октябре 1942, год лечился, комиссован по инвалидности. Малый командирский набор: Красная Звезда, Отечественная война, медали «За отвагу» и «За оборону Москвы». С недееспособной правой рукой поступил, через дорогу от госпиталя, в ташкентский медицинский, руку разрабатывал по собственной методе и научился поднимать до уровня плеча.

Война кончилась, эвакуированные врачи вернулись в освобожденные города, уровень узбекских медиков вызывал у Изю бешенство. В 49 он переехал в Ригу. Там только что в рамках расцвета Советской Латвии создали НИИ ортопедии и восстановительной хирургии. Красивое имя. Для начала в нем лечили переломы и плоскостопие.

Изю, фронтовика и коммуниста, немедленно взяли на работу. Но подросла борьба с космополитами, и дышать помногу ему не давали.

И тут Рижский мед оканчивает национальный кадр, сын знатных красных латышей, вчерашних коминтерновцев, присланных из Москвы на руководящую работу в Латвийскую ССР. Чтоб контролировать вливание в братскую семью советских народов.

Национальный кадр. Его надо выращивать. И Исидору Вассерштейну, русскому еврею, объясняют: надо помочь товарищу Калнберзу с написанием кандидатской диссертации. Короче: только после того, как он написал

кандидатскую Калнберзу и тот мгновенно защитился – товарищу Вассерштейну тоже разрешили оформить соискательство и защитить кандидатскую. Товарищу Калнберзу такой метод научной работы очень понравился. И в тридцать лет он защитил докторскую, которую написал Изя, и стал профессором, что Изе позволили много позднее. Главное же – в тридцать лет Калнберз стал основателем и директором знаменитого Рижского Института Ортопедии и Травматологии. Который Исидор Вассерштейн десять лет создавал из первоначальной кустарной больнички.

Профессор Вассерштейн оперировал пять дней в неделю. Пять дней в неделю он выпивал после работы поллитра для снятия напряжения, а два выходных – для отдыха.

– Неделю назад я делал хер маршалу Якубовскому, – рассказывал он, грызя огромный кус жареного мяса. – Знаешь такого? Так он мудака. Как такого мудака держат в Генеральном Штабе? Что, он в ГлавПуре? Тогда понятно, там все мудаки, на фронте все это знали.

Главным хозрасчетным направлением Рижского НИИ ТО было лечение от импотенции. Механическим способом. Под кожу члена вставлялись две полуцилиндрические пластмассовые пластинки.

– Хер-полуавтомат, – объяснял профессор медицины, знаменитый хирург Вассерштейн. – Поднимаешь рукой, а падает сам.

Я редко приезжал в Ригу. Изя сграбастывал меня в медвежью горсть, совал трешку и гнал за бутылкой. Принесенную ставил в холодильник, а оттуда доставал холодную. Чтоб всегда имелась холодная.

– Когда не было боев, или во втором эшелоне – я менял папиросы или махорку, что выдавали, на водку. Я же не курю. У меня каждый день пол-литра была! – с одобрением в свой адрес рассказывал он.

И каждый раз у него в спальне листала журналы и ждала очередная платная девица, порой ошеломительно профессиональной внешности.

– Мне необходимо снимать напряжение, – медицинским тоном пояснял он.

В книжном стеллаже за стеклом, развернутые обложкой в комнату, стояли его книги. Он еще в 49 году разработал методику удлинения конечности до 24 сантиметров – 12 см бедро и 12 см голень. Приживление отрезка консервированной кости в распил родной кости пациента с растягиванием тканей и последующей фиксацией аппаратом собственного изобретения. Этот аппарат – охватывающие ногу кольца и соединяющие их спицы, проходящие сквозь ткани и кость – был почти как аппарат знаменитого некогда доктора Елизарова. Только намного раньше сделан. Тот был копией.

Разница между Вассерштейном и Елизаровым была в том, что Елизаров подавал себя как сын маленького горского народа – что правда, если горских евреев считать маленьким горским народом. Вассерштейн же громогласно заявлял: «Я – еврей, а кому не нравится – может идти на хер!». Научное окружение и латышская публика его достали.

Он уехал в Израиль перед Московской Олимпиадой, в 1979 году. Я приехал попрощаться и заполнял ему многочисленные документы: он не любил писать, истории болезни заполняла медсестра: правая рука ныла всю жизнь. Он тратил усилия только чтобы работать скальпелем, узлы вязал левой.

– Вот трехкомнатная квартира, – он обвел рукой. – Гараж, «Жигули»-шестерка – все у меня есть. Ничего не надо! Все им оставляю! Пусть подавятся. Только чтоб выпустили. Вот как они мне все надоели.

Он прилетел в Израиль, предъявил достижения, срочно выучил иврит, в травматологии Тель-ХаШомера, центрального госпиталя, быстро переругался со всеми и переехал в Италию. Итальянский его раздражал, он предъявил свои регалии в частной клинике и стал оперировать; административные и профессиональные разговоры – через переводчика. Персонал был туп и уровня его работы не понимал. Он переселился в Германию, там действовали льготы и пособия как для евреев, так и для участников войны, боровшихся с фашизмом. Профессор с немецкой фамилией Вассерштейн усовершенствовал свой школьно-военный немецкий и стал хирургом, а затем заведующим Клиники оперативной травматологии и ортопедии в Бремене. В семьдесят перешел в частную клинику и работал до семидесяти пяти. Ездил на БМВ, отдыхал и лечился в Висбадене, жил в тихом дорогом районе, окнами на зеленый канал в плакучих ивах.

Мы встретились в 1999. Он закончил работать, я выбрался из нищеты девяностых.

- Обед у меня есть, женщина приходит готовить, - сказал дядя и дал мне пятьдесят марок. - Пройдешь налево до угла и еще налево один квартал, там в магазине купишь бутылку водки, голландская, с желтой этикеткой, ноль семь. Ну, давай быстро.

Из любопытства, впервые в Германии, я купил упаковку нюрнбергских колбасок.

- А это еще зачем? - спросил дядя, убирая бутылку в холодильник и доставая оттуда, будьте уверены, такую же охлажденную.

- Из интереса, - сказал я. - Закусить. Никогда не пробовал немецких колбасок.

- Я их едой брезгую, - покривился дядя и разлил по тарелкам борщ с плиты.

- Почему?

- Что говорить. Гансы и есть гансы.

- Дядя, - подъехал я, - ты уехал когда-то из Ташкента в Ригу, потому что тебе не нравились узбеки.

- Это чурки. Кому они могут нравиться. Как с ними можно работать?

- Но латыши тебе тоже не понравились.

- Латыши - это фашисты. Я ненавижу фашистов. Особенно тупых.

- Дядя, - сказал я, - но русские тебе тоже не нравились. И они бы тебе ходу вообще не дали.

- Русские? Русские - это свиньи. И все, что они делают - это свинство. Кому они нужны?

- Так, - сказал я. - Ну, а что ты скажешь об евреях?

- Тебе одним словом?

- Да.

- Евреи - это просто говно.

- Ну - за интернационализм! - поднял стопку я.

- Со свиданьем, - сказал дядя, и мы чокнулись.

Вторую пили за родителей, третью - за победу. Это было 9 мая.

...Вечером смотрели российское телевидение, последние известия, отрывки утреннего парада с Красной площади, что-то про оборону Москвы, бои и зимние пейзажи из военных хроник.

- О! - вдруг воскликнул дядя. - Это ж мои места! Здесь моя 91-я дивизия наступала!

И здесь я неожиданно заплакал. Без звука. Свет в комнате не включали, и в темноте было не видно.

Мать вашу всех... Вот он был девятнадцатилетним лейтенантом, дивизионным разведчиком. Вот воевал, проливал кровь, получал ордена, был изувечен. И вот сейчас, в конце жизни, он сидит здесь - в поверженной и разгромленной Германии. В хорошей квартире, хорошо поработав в жизни. Спокойный, ироничный, пронзительно одинокий. И по немецкому телевизору смотрит русский парад. Это как устроена жизнь.

Нью-Йорк

Через десять лет после Израиля - брат встречал меня впервые в Нью-Йорке. Из аэропорта повез на огромном белом «Форде Кугуаре» на Манхэттен. Мне было под пятьдесят - я увидел живьем те самые небоскребы, виртуально-условные,

как Атлантида, всю нашу советскую жизнь. Мы пили бурбон в его студии. Приходили гости.

В Нью-Йорке проживало полтора миллиона евреев. Почти все – потомки подданных Российской Империи, эмигрантов из Беларуси, Польши, Украины. На Брайтоне сплошь наши, недавние.

Российская эпоха еврейской истории закончилась. Оставшаяся вывеска, административная и телевизионная – выморочная проформа. Гены, мозги, энергия, будущее – съехали в университеты Новой Англии, Кремниевую долину, врачи, юристы, инженеры, изобретатели. Нувориши и жулики с миллиардами и особняками неважны. Огромная тонкая пленка российской интеллигенции, мыслящего и образованного класса – словно стянулась со страны на запад и осела на США, на пространство и города, прижалась, прижилась, добавила себя и растворилась.

Вопрос под телекамеры

В конце нулевых еженедельные ток-шоу Соловьева «К барьеру!» и «Вечер с Владимиром Соловьевым» были безоговорочно лучшими и самыми рейтинговыми в стране. Вопрос чести. То была еще другая страна и другое время; и люди были другие.

Вот на таком «Вечере», три гостя и ведущий, спор сполз на национальный вопрос с касательством еврейской темы. В какой-то момент Соловьев спросил (а мы в те времена дружили):

– Веллер, вот скажите прямо: вы кто по национальности?

В том разговоре была затронута масса проблем российской жизни. А под камерами из четырех участников трое были евреи. Пикантный нюанс и нередкая история. Хотя один под русской фамилией, а другой под грузинской.

И, добросовестно подумав в сконцентрированную секунду, я отвечал:

– Я имею честь принадлежать к двум великим народам: еврейскому – по крови, генам, – и русскому по всему остальному, по жизни и по культуре.

Это прозвучало пафосно и с излишней красотью. Хотя чистая правда. Но... не так все просто.

Евреи русского завета

Или русские Моисеева завета. Кому как больше нравится. Названия устаревшие. Просто: полностью ассимилированные евреи, то есть русские, а этническое происхождение: «Из евреев». Типа: не из славян, но из татар, из мордвин, из грузин, как ранее – из немцев, из шведов. Фамилии остались, доля крови осталась – а более ничего.

Твой язык, твоя родина, учителя и история, твои друзья, твои девушки – ты как все, русский среди русских. И ощущаешь себя таковым. Чего ж еще.

История показала, что с евреями общий фокус не проходит. Ты можешь быть свой в доску, неотличим ничем и никак, но если узнают, что ты, оказывается, еврей – твой облик обогатился специфической чертой: она отличает тебя от других, и ее нельзя стереть. Так силен мифологический образ народа, так мощно укоренен в коллективном бессознательном еврейский стереотип, что сам факт твоей принадлежности к этой растворенной в социальном пространстве национальной группы делает тебя каким-то не совсем таким, как все прочие.

Это отнюдь не обязательно антисемитизм. Это инаковость. Порой неуловимая, скрытая, неразличимая – и оттого еще более неистребимая.

Это следствие социального инстинкта, требующего единства своей группы и ее противопоставления другой. Это следствие закона самоусложнения социума. Это следствие поиска внешнего объекта как источника своих бед. Человеку, существу групповому, потребны свои и чужие. Друзья и враги. Кого любить и кого ненавидеть. Кому доверять и кого опасаться. Дуалистическое мироотношение. Бинарное, если хотите.

Это отнюдь не прибавляет счастья русским евреям. Это порождает готовность к совершенно неожиданным и незаслуженным неприятностям. Это постоянно натянутая тонкая струнка где-то в глубине оркестра жизни, обычно ее совершенно не слышно – но при малейшем касании она звучит очень отчетливо и расстраивает весь твой оркестр.

Одновременно – это стимулирует. У тебя заранее плохой пиар. На тебя незримо давит груз коллективной ответственности за все грехи и вины тысячелетней мифологии. Не считая грехов подлинных, которые есть у всех. И твой нерв напряжен. Ты должен стараться. Быть лучше себя самого. Лучше других. Пахать до посинения и не ждать пощады. Это полезно. Естественный отбор продолжается.

Потому что вы еврей?

Давным-давно, в интервью на «Эхе Москвы», принимали онлайн вопросы от слушателей, вежливый мужской голос поздоровался и спросил:

– У вас выходит много книг, вы все время выступаете на телевидении, у вас своя передача на радио – скажите пожалуйста: это потому что вы еврей? Спасибо.

Вот так. Шарах. На всю страну. С прямокой пьяного римлянина.

Секунд пять я собирался с мыслями. Все, что сумел сразу – поблагодарить за прямоку и честность: вы озвучили то, что многие думают, но не решаются сказать вслух.

Уж не помню, кто был ведущим – может, Лев Гулько, – он парой общих фраз дал мне политкорректную передышку.

Что я, успокоив дыхание, мог сказать?..

Что если вы решили сделать карьеру путем превращения в еврея, пройти гиюр, или сделать обрезание, или что там еще, купить свидетельство о рождении, сменить национальность в документах и обрести лояльность походами в синагогу – то я вас предостерегаю. Вас постигнет жестокое разочарование, что может вызвать страшную ненависть к евреям за их непостижимое коварство. Попортите себе жизнь.

Вот когда я поступал в университет – национальность мне серьезно мешала. И вздумай я остаться в аспирантуре – просто не дала бы.

Национальность не дала мне работать после окончания университета в толстом журнале. Но давала гарантию, что за границу меня не выпустят.

Национальность, обозначенная фамилией, очень сильно препятствовала мне печататься в СССР. Но не давала никаких преимуществ в работе бетонщиком, или слесарем, или скотогоном.

Так что в Советском Союзе это только сильно мешало, а в нынешней России никак не влияет. Смотрят на то, что ты можешь. И если вы придете к издателю или режиссеру с предъявлением еврейства и ожиданием льгот на этом основании – вас сильно не поймут.

Аналогичный вопрос был задан примерно тогда же на «Радио Россия». У меня брал интервью Дмитрий Губин, поднимающийся в карьере журналиста. Стали принимать звонки в прямом эфире. Голос активной пенсионерки:

– У меня вопрос к радио. К ведущему. А почему на такую тему, важную для России, вы пригласили еврея? Разве русских нет?

Губин растерялся и поступил позорно:

– Михаил Иосифович, что вы скажете? Как ответите слушательнице?

Я ему отпасовал обратно:

– Вопрос был ведущему. А действительно, почему вы пригласили именно меня?

Дальше он проблеял о равенстве и личных качествах, и попросил принять следующий звонок. В кабинете гендиректор с главным редактором веселились, слушая трансляцию, – тем более что директор был русский, а редактор еврей, и насладиться ситуацией они могли в полном объеме.

Литературный салон

Мишка Генделев был поэт от Бога, богема по жизни, необыкновенно хлебосольный хозяин и более всего на свете любил друзей. Собирал всех за

огромный стол и потчевал изготовленными кушаньями и настойками. Он был гастрономом и кулинаром, автор «Книги о вкусной и нездоровой пище».

Нас сдружил в начале семидесятых ленинградский клуб песни «Меридиан». Он писал классные стихи, друг Леняка Нирман клал их на музыку и делал песни. «Корчит тело России...», «Ату меня, мой Петербург...» – их поют под гитару до сих пор. А я просто ходил послушать. Был Генделев мал ростом, тощ, носат, смугл и едко саркастичен. Бабы западали пачками. Он менял красавиц. И мог он принять на грудь огромное количество горячего.

...Мы восстановили знакомство в 1990 в Иерусалиме, где уже пятнадцать лет он жил в мансарде под крышей: суперцентр – на Бен Хилель. Там толпились друзья – любители литературы под водку. Он немедленно погнал меня за двумя бутылками, курицей и картошкой. С неотразимой естественностью он сорил равно чужими и своими деньгами. Был решительно нищ и в сорок лет стал писать гениальные стихи, шедевры; редкий случай для поэта.

В двухтысячном он нашел денежную работу на стыке политики и капитализма, переехал в Москву, в четвертый раз женился на красавице (все его жены были русскими), купил квартиру на Патриарших – и мгновенно, естественным ходом вещей, оброс кучей новых друзей. Из старых оказался один я, а из «до-российских» – Василий Аксенов.

Все это была преамбула – ради следующей амбулы:

Среди друзей Генделева и гостей дома были: Аксенов, Кабаков, Иртенев, Белковский, Макаревич, Маргулис, Носик, Шварцер, Соловьев, ну и менее вам известные Елин, Аркан и не припомню уж кто еще.

Значит, так. Никакого фейс-контроля не было. Конкурса анкет тем более. Расизм и национализм исключались. Но в этом высококультурном московском салоне, собиравшемся неизменно за огромным пиршественным столом мореного дуба, под зеркалом во всю стену, наличествовали исключительно, как вы заметили, лица еврейской национальности. Хотя несколько были евреи только по матери, галахические то есть, а кто-то по отцу. Но тем не менее.

Как это могло быть? Подобное притягивается подобным? Тайный магнетизм? Все были людьми исключительно и только русской культуры. Совершенно

ассимилированными. И жены-то у всех были русские! Ну по всему же и сами русские. Разве что во внешности у отдельных вылезали на свет нетитульные гены.

Никогда больше я не бывал в подобных компаниях. Израиль не считается. Мы в России. И – это был подлинный салон, донесшееся веянье XIX века. Здесь часто собирались люди одного, в общем, уровня, и темы к обсуждению возникали литературные, политические, исторические – под обед, выпивку и табачный дым. Остается добавить, что обсуждения еврейских тем я решительно не припомню; ни разу.

Все были уже немолоды – от пятидесяти до семидесяти пяти. Возможно, возраст как-то повлиял? Как?..

...У Сомерсета Моэма в одном из его блестящих рассказов, «Рыжий», автор замечает, что у туземцев Океании, в молодости светлокожих и почти неотличимых от европейцев, с возрастом расовые черты резко проступают: темнеет кожа, желтеют белки глаз, скрадывается подбородок и выпячиваются губы. Понятия не имею, можно ли предположить, что с возрастом увеличивается некое генетическое притяжение. Или черты мышления и характера вкупе с социальным положением приобретают сходство, что способствует общности интересов и симпатий?

Самооценка

Рассуждали мы с Мишкой Генделевым за рюмкой и сигаретой о сложностях отношений еврейского народа с окружающими.

– Но давай по-простому поставим вопрос: за какие черты людей любят? Народ вообще любят?

Мы стали добросовестно думать и перечислять:

– Щедрость. Открытость. Доброта. Гостеприимство. Скромность. Простота. Сила. Храбрость. Веселье. Красота.

Мы посмотрели друг на друга и хмыкнули. Что имеем?

– Ум. Терпение. Выносливость. Упорство. Хитрость. Работоспособность. Приспособляемость.

– Блять, – сказал Мишка, – так за что таких любить? Я понимаю людей.

И мы заржали.

Неоднозначность

Когда я вижу Кирка Дугласа или Марка Бернеса – я хочу быть евреем. Когда я вижу Вуди Аллена или Романа Абрамовича – я не хочу быть евреем.

Я горжусь принадлежностью к народу Библии и Эйнштейна, и хотел бы провести избирательную чистку в народе Сороса и Чубайса.

Иоффе, Зельдович, Ландау, Халатников, Гинзбург – золотой памятник созданию советской науки и щита родины. Бела Кун, Розалия Землячка, Яков Свердлов, Генрих Ягода, Яков Берман, Самуил Фирин – кровавые собаки, позор еврейского народа.

Ум, мораль и энергетика

Средний IQ ашкеназов составляет 113–114 – при 105 у восточных азиатов, 100 европейцев, прочие ниже по убывающей.

Колокол – гауссова кривая, отображающая на осях координат график интеллекта ашкеназов в масштабе больших чисел – выше, чем у других, поднимается максимумом, т. е. серединой колокола, и шире других раскидывается тонкими краями внизу, влево-вправо к нулевой горизонтали. То есть: средняя величина интеллекта выше, максимальная величина (вправо) достигает огромных отметок – но минимальная величина (влево) тоже достигает огромных отметок. Что означает:

Среди евреев больше гениев и больше идиотов, чем среди других народов.

Почему? Потому что «ум» – это совокупная энергетика центральной нервной системы в зоне коры головного мозга.

Энергетика центральной нервной системы связана с общей и есть часть общей энергетики организма. У евреев в среднем более высокой, чем у других.

Это есть более высокая энергетика национальной группы (она же этническая группа, или видовая группа). И вот эта повышенная энергетика сказывается прежде всего в повышении группового адаптационного ресурса. Это что значит? Это значит, что вся группа, или максимальная ее часть, или хоть какая-то часть – выживет и передаст свои гены при очень значительных, до какого-то предела катастрофических, изменениях окружающей среды.

Это на физиологическом, анатомическом, генетическом уровне – большая приспособляемость к любым изменениям среды. То есть – повышенная выживаемость.

А для этого? А для этого требуется как можно больше самых разных людей. С максимальным разбросом всех качеств и способностей.

Мутация как феномен Природы не носит направленный характер, как давно выяснено. Мутации происходят совершенно беспорядочно, случайно, по всему спектру качеств и возможностей, по всей сфере вариантов. Потом очень небольшой процент мутаций оказывается полезен или даже спасителен в существующих или измененных условиях проживания.

Так движется эволюция. Таково эволюционное преимущество. Более подвижная изменчивость, более адекватные реакции на среду.

Но. Природа слепа. И не выводит самых умных «целенаправленно». Она создает самых разных. И чем больше разных – тем больше вероятность, что некоторые выживут успешнее прочих, и дадут потомство вероятнее прочих.

Большой разброс в уровне интеллекта – это лишь один из аспектов благотворного разнообразия. Хотя и важнейший для человека.

Но. Уж разные – так разные во всем. Чем больше разницы во всем – тем выше вероятности выжить. То есть: тем выше видовой адаптационный ресурс. Чем шире разброс – тем больше вероятность попадания в цель. Природа – не снайпер. Природа – это массированный огонь по площадям в разные стороны: раньше или позже попадет куда надо.

Вот поэтому больше мудрецов и больше идиотов. Идиоты – эволюционный балласт, зато мудрецы – определяющая и движущая сила групповой социальной эволюции.

Но еще, еще, еще! Евреи осудили Иисуса на распятие – но евреи и понесли его учение по миру и стали первыми святыми мучениками за Веру. Среди евреев – много людей светлых, бескорыстных и добрых, подвижников и самосожженцев во имя Человечества и Истины. Но мерзавцев и подлецов, продажных тварей и бессовестных карьеристов – тоже много!

Разброс по морали – не меньший, чем разброс по уму. То есть – разброс по социальному качеству, по групповой ориентации.

Много созидателей и много разрушителей. Много ученых – и много революционеров.

Еврей – первый парень на деревне: жених на каждой свадьбе, покойник на каждых похоронах. Революция? – даешь! Банки? – двигаем в банкиры. Искусство? – в музыканты и писатели. Институты? – идем в профессора. Следователи НКВД, создатели ГУЛАГа? Придумаем, создадим, обнесем колючей проволокой, выьем показания и подведем под расстрел. Разведка? – лучшие разведчики Второй Мировой.

Это просто. Три с половиной тысячи лет рабства, пустыни, войн, скитаний и погромов. Уцелели и вырастили детей очень немногие: вот такие.

Еврейская самокритика

Я не знаю народа, более нетерпимого к любой критике в свой адрес, в том числе и самокритики, чем евреи. Дежурная установка такова: евреи никогда ни в чем не виноваты, но всегда во всем правы – или же были просто вынуждены

обстоятельствами, так что их поступки нельзя ставить им в вину.

В евреях ярко проявлено чувство избирательной коллективной ответственности. Я принадлежу к великому древнему народу: евреи славны Библией, Марксом и Эйнштейном, Фрейдом и Спилбергом, атомная и водородная бомба и 30 % нобелевских лауреатов, в конце концов Великая Русская Революция: в руководстве большевиков, меньшевиков и эсеров большинство было евреями. Евреи умные, изобретательные, выносливые и упорные.

Но! Я не имею никакого отношения к еврейским ростовщикам и банкирам. Я никак не отвечаю за евреев-чекистов Гражданской Войны, садистов и убийц. Евреи-олигархи эпохи накопления первоначального капитала в постсоветской России, жулики и воры, взяточники и бандиты – какое имеют отношение ко мне?! И нынешние уроды типа Вассермана или Слуцкого – я их даже не знаю.

Евреи очень склонны к коллективному самоутверждению – но категорически не приемлют ни малейших намеков на коллективную ответственность.

За хорошее я отвечаю – за плохое я не отвечаю.

Англичане много издевались над пороками англичан. Американцы громогласно критикуют недостатки Америки. Русские говорили такое о русском уме, нравственности, доброте и прочем – что за агрессивную русофобию и очернение надо пересажать минимум половину знаковых фигур русской истории и культуры.

Бичевание своих пороков – признак духовной зрелости нации и сознания собственной полноценности. Сильный и уверенный в себе – может подсмеиваться над собой и ругать себя за недостатки.

Еврейское отрицание критики – в чем-то симметрично антисемитизму и отчасти уравнивает его в массовом еврейском самосознании. Реакция на отношение. Тебя столько критикуют другие, а также поносят, обливают клеветой и громят, что только дай слабину, признай что-то – и смешают твой народ с дерьмом; что и так стараются делать тысячи лет с переменным успехом и разной интенсивностью. Сегодняшние благословенные толерантные времена – кратки и редки в истории, что такое полвека или век...

Но. Если ты отказываешься признавать свои пороки – то другой будет их обличать с утроенной силой, и думать о тебе будет хуже.

Еврейская зависть

Кстати, это определение – из устной традиции еврейского народа – как раз пример если не горькой самокритики, то жестокой самоиронии: вот такое исключение из правила:

Самая простительная зависть – это: у тебя есть больше, а у меня меньше – я хочу, чтоб у меня тоже было столько, сколько у тебя. Белая зависть.

Обычная зависть: у тебя есть больше, а у меня меньше – я хочу, чтоб у меня было больше, чем у тебя.

Черная зависть: у тебя есть больше, а у меня меньше – я хочу, чтоб у меня было как у тебя, а у тебя – вообще ничего.

Смертная зависть: у нас всего поровну – так пусть у меня будет много, а у тебя ничего.

Еврейская зависть: у меня есть много, а у тебя мало – так вот пусть у тебя даже этого малого не будет.

Лично никогда не встречал, но сам факт печалит. Автор сентенции явно имел дело с юристами и ростовщиками. Милый пиар у евреев.

Максима

Именно потому, что репутация евреев во мнении многих народов и многие века была столь низка, презренна и позорна – ты обязан поступать только самым безупречным, самым достойным, эталонным образом. Тень твоих пороков ложится на весь народ. Любой твой проступок подтверждает худшие подозрения об евреях. Твоя коллективная ответственность неизбывна и неотменима, несмотря ни на какие лозунги политкорректности и гуманизма. Тебе надо быть лучшим, чтобы не быть худшим.

Антисемитизм

Не было бы антисемитизма – не было бы давно и евреев. Это просто, понятно и старо. Внешнее давление антисемитизма отграничивало и выделяло евреев как группу, и эту группу обжимало, спланивало и побуждало к сопротивлению.

Человеку как существу групповому нужно противопоставлять свою группу чужой. Группа актуализируется и структурируется именно в отделении себя от другой группы и каком-либо противопоставлении ей. В нахождении или создании каких-либо групповых отличий.

Любить своих и ненавидеть чужих – основа социальной структуры человека. А если чужих нет – их надо найти или создать.

Это – социальный инстинкт. Это аспект эволюции – биологической и социальной. Стремление к видовому единству, к генетической близости внутри группы – и стремление к усложнению и многообразию вида путем создания разных групп, отличающихся друг от друга. Тем самым повышается устойчивость всего вида при непредсказуемых переменах среды обитания: – особенности какой-то группы дадут ей наибольшее преимущество в выживании и дальнейшей передаче генов. (Так что «ксенофобия», используя сленг леваков и глобалистов – это проявление естественного инстинкта самосохранения генетического фонда группы – и естественного эволюционного давления, направленного в сторону разнообразия групп.)

Гонения выбивают слабых, ассимилируют в окружающем народе неустойчивых – и закаляют сильных в результате такого естественного отбора. Жестокого, но полезного.

Антисемитизм – это налог на живучесть и талант.

Антисемитизм – это своего рода социальный балансир, уравнивающий групповые преимущества: те самые ум, образование, жизнелюбие и жизнестойкость, и пр.

Там, где нет евреев, не любят кого-нибудь другого: ирландцев, шведов, поляков, корейцев... крайний найдется всегда. Просто в христианских странах – евреи всегда были под рукой и отличались больше других: они даже не христиане, и суббота у них вместо воскресенья, и не желают жить, как все люди, и язык не такой, и вообще не такие. Ну, так чего вы хотите. Потом осталась традиция, историческая память и т. д...

Еврейская самоненависть

Все смуглые, черноволосые, мелкие народы норовят реконструировать историю в том направлении, что их предки были – светлокожие рослые блондины. Таков стереотип коллективного подсознательного белой расы и всех, кто имеет претензию к ней принадлежать, включая греков и итальянцев.

Белокурый Давид не дает евреям покоя. Горбатый нос, черные курчавые волосы и карие глаза не всем внушают чувство прекрасного. Короче, согласно старому замечанию, нет худшего антисемита, чем только что выкрестившийся еврей. Ну не нравится ему его народ.

Стремясь избыть комплекс гонимого, склонный к ассимиляции еврей мечтает выглядеть белокурой бестией. О, не всегда, не все, не надо вульгарных упрощений. Но тем не менее. Не нравится ему выглядеть объектом для неожиданного и возможного презрения и поношения. Человек хочет быть героем. Сменить статус он хочет. Он хочет видеть в зеркале не рожу эту ушастую, а Дольфа Лундгрена.

Убегая от статуса гонимого, человек ненавидит свое национальное несчастье. Вариант стокгольмского синдрома. Стремится идентифицировать себя со своими мучителями – храбрыми, сильными, победительными хозяевами жизни. Это ведь куда легче, чем им противостоять и утверждать собственное достоинство.

Случаи евреев – фанатичных национал-социалистов III Рейха – вполне известны. Известен и случай, когда уличенный товарищами по партии, такой еврей покончил с собой, написав перед смертью на зеркале славу арийской расе, без которой незачем жить презренным евреем. О – вот это самоненависть.

...Однажды обвинили в еврейской самоненависти и меня. В тексте «Евреи как авангард самоуничтожения цивилизации» я анализировал феномен американских евреев-демократов. Они составляют три четверти евреев США. Голосовали за Байдена против Трампа. Поддерживают лютых антисемиток-конгрессменок, урожениц черных и южноамериканских стран. Осуждают Израиль и поддерживают Палестину. Процветая в США, как никогда в истории евреи не процветали – они способствуют уничтожению США, словно у них парализовало мозги. Что навлечет на них самих огромные беды.

Поскольку евреев критиковать нельзя ни по какой причине (см. выше), несколько советско-российских евреев-эмигрантов обрушились на меня с обличениями, затрудняясь сформулировать суть претензий. А вот не понравилось им это.

Но. «Еврейская самоненависть Веллера» – этот заголовок предпослал своей статье вполне русский человек Игорь Яковенко. Аргументом об хоминема – интересный человек. Во второй половине 1970-х – освобожденный секретарь комитета комсомола, в 80-е – инструктор и заведомо пропаганды и агитации райкома КПСС, годы перестройки – преподаватель Высшей партийной школы. Заметьте: это уже время полного безверия и цинизма, где подобную стезю избирали только законченные приспособленцы, кому ложь и бессмысленность их деятельности не мешали получать посильную выгоду от жизни. Такой послушной список – это уже характеристика. Затем – конец СССР: наш герой – резко демократ, либерал, член меняющихся партий, депутат ГосДумы, Генеральный секретарь Союза журналистов; за хищение средств выгнан, бежал в Чехию, стал блогером, горячий демократ, придерживается западных ценностей в леволиберальном каноне.

И вот на сайте «Каспаров. ру», исповедующем либерал-социализм в левом американском варианте, Яковенко разразился чеканными советско-коммунистическими штампами: «Чем же это не угодили Веллеру американские евреи?» То есть: я, гнусный самоненавистник – против политической позиции трех четвертей евреев США, голосующих по сути за отмену свободы слова, фальсификацию выборов, построение социализма, уничтожение американской идентичности, выступающих против сионизма и Израиля, поддерживающих уличных погромщиков и объявляющих их жертвами; против тех, кто вложил свои голоса в нынешнее падение экономики, инфляцию, преступность и развал страны.

Да, я считаю: сенатора Чака Шумера следует выпороть на площади, а политтехнолога Дэвида Аксельрода приговорить к пожизненным каторжным работам. И еще с кучей народу. За преступную глупость мировоззрения.

Невозможно любить людей по национальному признаку, даже евреев, и объявлять их вне критики. Особенно в наши времена массового и злокачественного идиотизма. Забавный русский хамелеон, подмахивающий левому курсу, решил побыть святее Папы Римского, защитник сирых и обиженных.

Выжить и стоять

Да простит мне Всевышний эти слова...

Ведь похоже, что. Из огромного послевоенного поколения 1946–50 гг. рождения, пришедшего когда-то в литературу, устоял я один. Сейчас, на семьдесят пятом году жизни, я решаюсь это сказать.

Мы пришли в начале семидесятых. Мы были энергичны, веселы и уверены в себе. Нас было так много. Мы были полны планов. Среди нас было столько талантов, и гении тоже были.

Нас всех поглотила глухая глина семидесятых. Заглушила и задушила трясина. Наши нервы разъела неумолимая, кастрирующая редакторская машина. Сам воздух лжи сводил с ума. Бесконечные издательские сроки стирали годы и годы жизни. Мы уходили из нищих семей, спивались, превращались в люмпенов, вешались. Издерганные неврастеники ломались и бросали писать.

Нас было не надо. Перепроизводство писателей времен оттепели. Нам, лишним, не было места. И нужды в нас не было. Государство правило бал в сонном дворце, уже отобранные слуги толпились в очередь, а шедевров не требовалось.

Мои сотни отказов, выкинутые рукописи, нищета, отъезд из родного Ленинграда, четыре года выхода первой книги и четыре года второй. Но они вышли такими, как я хотел. Вопреки теории вероятности. «Судьба благосклонна к тем, кто твердо знает, чего хочет», прочитал я у Галлая. В какой-то связи с этой максимой – первый в СССР летчик-испытатель с инженерным дипломом

Марк Галлай, в конце карьеры – инструктор по пилотированию первого советского отряда космонавтов – был еврей.

«Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Этот девиз помнили миллионы советских людей – они читали «Два капитана» Вениамина Каверина. Почему фамилия Каверина была Зильбер? И через него, еврея, мы узнали эту фразу – надпись на могильном кресте капитана Скотта, достигшего Южный полюс вторым – на месяц позже Амундсена. А фраза та – из поэмы Теннисона «Улисс».

«Приказано выжить» – назвал одну из книг о Штирлице Юлиан Семенов – Ляндрес.

Был успешный Виктор Ерофеев, сын дипломата, кандидат наук в ИМЛИ; был Евгений Попов с двумя рассказами в «Новом мире»: оба жили уже в Москве, обоим запретили к печати после разгрома «Метрополя» в 1979. Оба вздохнули и всплыли уже в Перестройку, к 1990-м. Тогда же вышел первый сборник Толстой, члена влиятельной семьи, начавшей писать уже в середине 80-х. Жестокою давиленью застойных семидесятых живьем не прошел никто. Н и к т о.

В январе 1983 у меня вышла в Таллине книга «Хочу быть дворником», сданная в издательство в 1979. Первая ее редакция была написана к весне 1974. И десяти лет не прошло.

Уже никто не поймет, как это было трудно. Как это было чудовищно трудно. Мучительно, убийственно, невозможно. Какие бездны терпения, упрямства, надежды, веры в себя это требовало. Сколько унижений приходилось хлебать в общении с редакторскими ничтожествами, «творческими наставниками», бандами безнаказанных идиотов. Какой спесью, каким величием сочилась официозная литературная рать, сборище бездарей и прихлебателей, исчезнувшее с концом социализма, как вампиры при первом солнечном луче.

Оглядываясь назад – я не понимаю, как я выжил. И на что я жил. На что надеялся. И как упорно работал, отрешась от всего.

Я думаю, что гены здесь сказываются. Беспощадный опыт тысячелетий. Жестокая тренировка всей предшествующей историей. Морально-волевая подготовка, так сказать. Сделать или сдохнуть. Никто не может – а ты сможешь. Не сдох? – значит, еще не все сделано.

Рассеяние

Эмиграция из СССР в Израиль, она же для Израиля репатриация, носила в брежневскую пору единичный характер. Гремели непрерывные скандалы на международном уровне, отказники писали письма властям вплоть до Политбюро и ООН. В конце семидесятых, перед Московской Олимпиадой, приоткрыли кран, струйка сбрызнула на свободу, и тут же закрутили. А через десять лет произошла Перестройка, народ рванул смотреть мир, Союз затрещал и вообще рассыпался; эмиграция стала делом обычным.

Первый привет от уехавших из СССР (а их провожали в Пулково и Шереметьево навсегда) я получил в 1992 году: телехроника показала известного немецкого галерейщика и мецената Натана Федоровского, который что-то ценное привез и куда-то в Москве подарил. Рыжий Натан с улицы Восстания, из Сайгона, с философского факультета ЛГУ, мы пили в одних компаниях и ржали над родной властью.

Второй привет прилетел в Иерусалиме, где я неделю жил в мансарде у Генделева, мы не виделись пятнадцать лет. И там же – все встречаются вечером на Бен-Иегуда! – мы обнялись с Даней Клугером: десять лет прошло с семинара писателей в Малеевке.

Саул читал мне лекции о винах, угощал отборными и только из моря устрицами в маленьком ресторанчике «для своих» на задах рыбного рынка и возил по Парижу, где прожил две трети жизни. А младший брат его, Киса Вовка Саульский, явился ко мне в примерку после концерта в Хайфе, мы долго обнимались и разглядывали друг друга, узнавая и привыкая после тридцати лет перерыва.

В Сан-Франциско мы с Мариком Лапидой, давно американцем, подробно вспоминали детство – в заведении на берегу залива, с видом на Алькатрас. А Саша Каганович живет в Пало-Альто, при Стенфордском университете.

На мое выступление в Бостоне пришел Олег Оппенгейм – бывший молодой писатель, ныне развозчик пиццы. Зато дочки учатся одна в Гарварде, другая в Музыкальном Колледже Беркли.

Аркаша Розенштейн в Майами. Саша Дудельзак в Торонто. Боря Фрейдин умер в Австралии.

Боб Даревский ждал меня у зала «Миллениум» на Брайтоне, под афишей. Боб Даревский, наш могилевский двор 25-го дома на проспекте Мира. И вот он неким волшебством нисколько не изменился.

В каком городе США Ленька Негинский я не знаю, он уехал давно.

Эхо

«Тяжелым басом гремит фугас...» – музыка Марк Вайнберг, слова Марк Соболев.

«Есть город, который я вижу во сне...» – музыка Модест (Монус) Табачников, слова Семен Кирсанов (Кортчик). Исполнение – Леонид Утесов (Лейзер Вайсбейн).

Американская трагедия

Пролог

Желтые звезды

I. Постановление Сената 1218/JH602

Согласно постановлению Комитета по Надзору за Государственной Безопасностью Конгресса Демократических Штатов Америки, принятому Конгрессом и утвержденному Сенатом.

В целях дальнейшего достижения все более полной социальной справедливости, руководствуясь заботой о безопасности, соблюдении гражданских прав и свобод и совершенствовании мер по обеспечению всех расовых, национальных, сексуальных групп населения, а также людей с ограниченными возможностями и особенных людей равными материальными и социальными благами, правами и возможностями, всем органам государственной власти предписывается и народу ДША объявляется:

1. Все лица еврейского вероисповедания, а также лица еврейского этнического происхождения других вероисповеданий и конфессий, равно как и атеисты, а также породненные с евреями лица, состоящие с евреями в зарегистрированном браке или сожительстве, а также их прямые родственники по боковой, восходящей и нисходящей линиям (братья, сестры, дети, внуки, правнуки, родители, родители родителей и их родители), а также лица в отсутствии живых родственников, имеющие

/

еврейской крови, обязаны:

С 1 по 15 сентября сего года зарегистрироваться как евреи на сайтах своих муниципалитетов или тауншипов.

2. Отказ, уклонение, сокрытие национальности или любые другие формы саботирования регистрации влекут за собой наказание в виде увольнения с работы, или ликвидации бизнеса, а также штрафа в размере 50 % всего движимого и недвижимого имущества и накоплений, а также ограничения в передвижении радиусом не более 30 миль от места проживания.

3. Всем гражданам вменяется в обязанность информировать местную полицию обо всех случаях уклонения лиц еврейского происхождения от регистрации, о которых им станет известно. В случае подтверждения сообщения и задействия п. 2 настоящего постановления информатор получает бонус в размере 25 % от стоимости конфиската по оценке муниципальной комиссии.

4. Окружные судебные органы и местные полицейские управления обеспечивают соблюдение закона в случаях, предусмотренных п. 2 и п. 3 настоящего

постановления.

5. Муниципалитеты обязаны до 31 августа в целях обеспечения регистрации создать для этого регистрационные страницы на своих сайтах. До 30 сентября муниципалитеты и тауншипы обязаны проконтролировать регистрацию и передать данные в окружные управления.

6. Окружные управления обязаны проконтролировать проведение регистрации и 15 октября предоставить данные в службу исполнения и надзора своего штата. Службы исполнения и надзора штатов контролируют деятельность окружных управлений по проведению регистрации.

7. Личная ответственность за проведение кампании возлагается на окружных прокуроров и генеральных прокуроров штатов.

8. Кампанию контролирует генеральный прокурор ДША.

II. Речь преподобного пастора Джереми Райта в Объединенной Церкви Троицы.

Много лет сионисты угнетали нас, и мы не раз говорили об этом. Терпение чернокожих беспредельно. Мы терпели, когда они порабощали нас в Африке и в бесчеловечных условиях, как скот, везли в тесных темных и душных трюмах в Америку на продажу, и половина людей умирала в пути. А оставшуюся половину еврейские работорговцы продавали на рынках, и мы были обречены до смерти гнуть спины на плантациях под бичом надсмотрщика, обогащая белых.

Но мы добились свободы, как ни старались сионисты удержать нас в вечном рабстве! Мы проливали свою кровь за свободу всех чернокожих мира, и мы умирали за то, чтоб стать равными среди равных, какими создал Господь всех людей.

И что же мы увидели, когда вырвали у белых из глотки, из их лживой глотки и из их жадных рук, свое равенство? Что увидели мы, когда, не ожидая себе никакой награды за века тяжкого и унижительного рабства, мы хотели лишь по праву завоеванного места в братском кругу народов и рас Америки? Мы хотели той же

любви и уважения, той же работы и достатка, той же справедливости и уважения, что и все люди на Земле. В наивности и доброте своей мы думали, что имеем такое же право на счастье и американскую мечту, что и все остальные.

Что мы увидели, братья, я вас спрашиваю? Что мы получили?

Да! Да! Мы ничего не получили! За все наши мучения, за всю нашу кроткую терпеливость, за нашу нищету и за тяжкую работу, на которой выросло богатство белой Америки – мы ничего не получили! Кроме презрения. Кроме трущоб. Кроме высокомерия белых, насаждающих агрессивный миф о своем превосходстве. Кроме унижений на экзаменах и приеме на работу, кроме изобретенных белыми псевдонаучных «тестов» – никчемных бессмысленных головоломок, якобы доказывающих их ум.

Я спрашиваю вас: кто изобрел эти дурацкие и ничего не показывающие головоломки, которыми пытаются объяснить, почему черных не пускают в руководство, на лучшие места, в лучшие профессии? Вы знаете ответ. Евреи!

Сколько среди вас здесь журналистов? А почему так мало? А почему две трети журналистов – евреи? Вам еще надо объяснять, кто занял наши места?

Банкиры, финансисты, миллиардеры – почти все это евреи. Владельцы телевизионных компаний и газет, Кремниевой Долины и Голливуда – евреи! Почему? Каким образом это произошло? По какому праву? Кто дал евреям право захватить все лучшие места? И какие места они оставили нам? Разве мы меньше трудились? Разве мы меньше страдали? Разве мы меньше сделали для Америки? Разве мы меньше пролили за нее крови?

Вы знаете историю Израиля. Мир знает, как угнетают сионисты Израиля своих соседей, беззащитных мусульман, исконно живших здесь арабов. Как убивают женщин и детей, разрушают арабские дома и сажают в тюрьмы всех, кто протестует. Этот современный фашизм – суть еврейского отношения к другим людям, гоям, как они презрительно называют нас. Лишь в одном месте мира евреи забрали полную силу и создали собственное государство – так посмотрите на преступления этого фашистского государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mihail-veller/evreyskaya-nota>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)